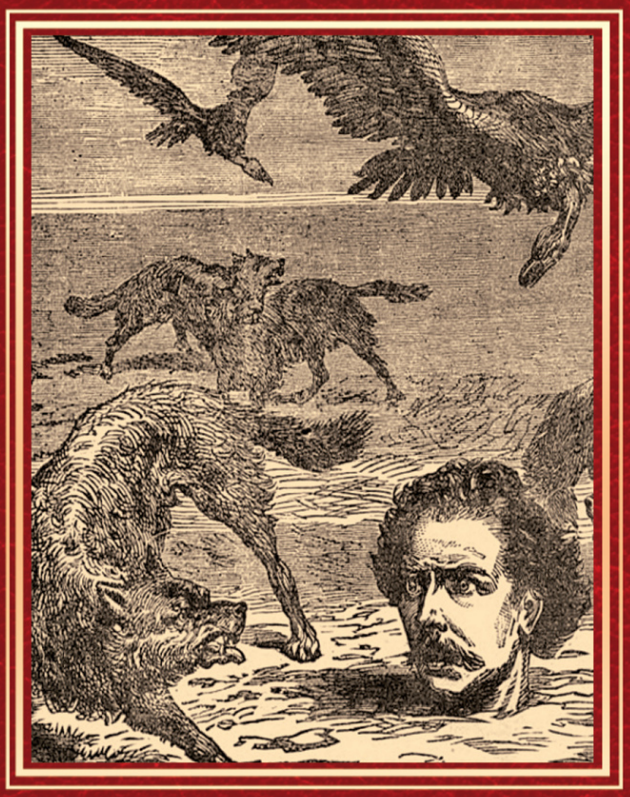
Томас Майн Рид

Смертельный выстрел



Мастера приключений

Мастера приключений

Томас Майн Рид

Смертельный выстрел

«ВЕЧЕ»

1873

Майн Рид Т.

Смертельный выстрел / Т. Майн Рид — «ВЕЧЕ», 1873 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-8313-4

Что же тут удивительного – найти человеческую голову в прериях Техаса? Ровно ничего, если она без волос. Это означает только то, что какой-нибудь несчастный: траппер, путешественник или охотник за дикими лошадьми – был убит команчами, а затем обезглавлен и оскальпирован. Но эта голова – живая! В очередной том «Мастеров приключений» включен роман «Смертельный выстрел», одна из захватывающих дух и несправедливо забытых вершин на карте творческих побед Томаса Майн Рида. Эта история по праву достойна занять место рядом с такими шедеврами, как «Всадник без головы» или «Оцеола, вождь семинолов». Роман публикуется в новом полном переводе, выполненном по переработанному самим автором изданию.

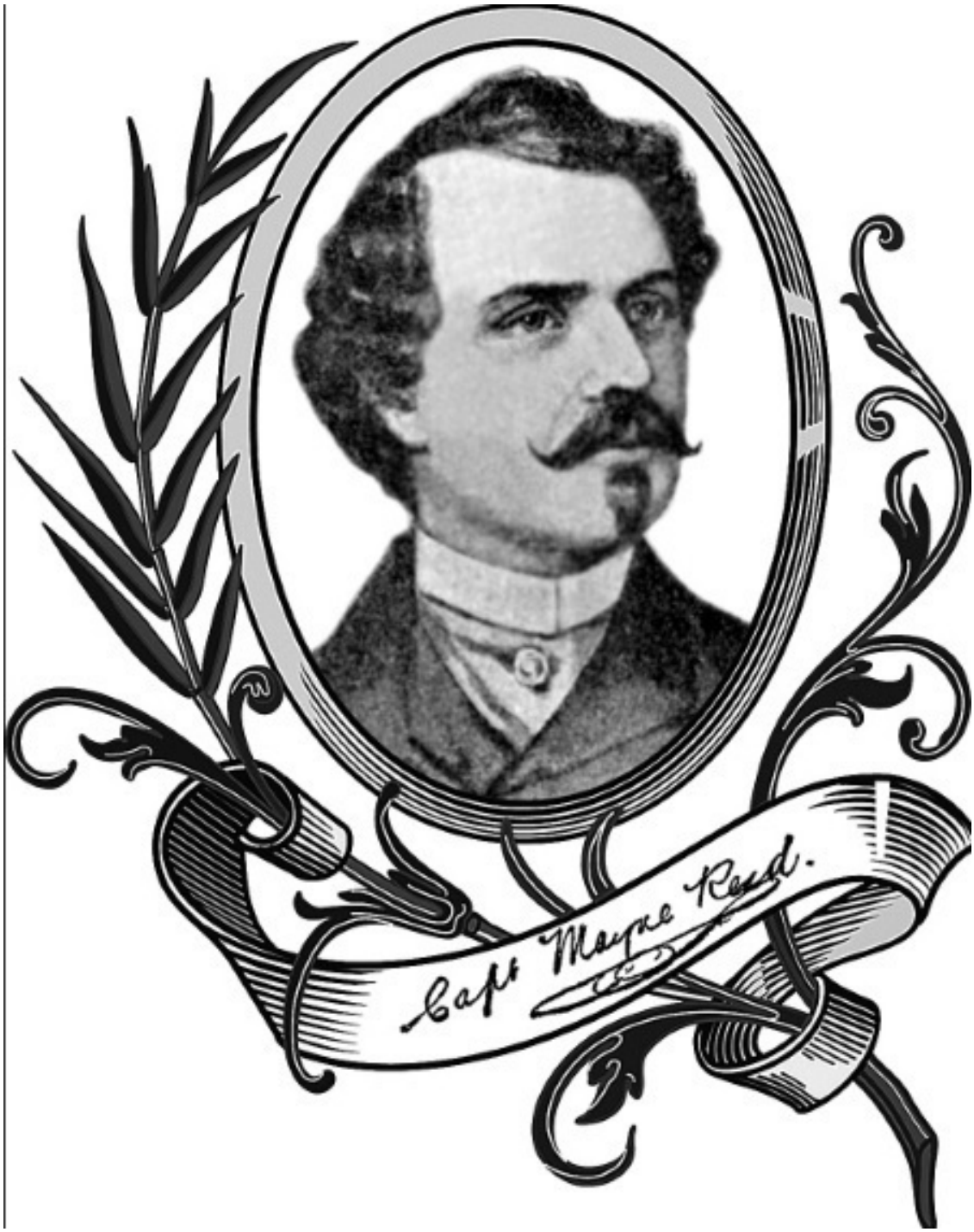
ISBN 978-5-4484-8313-4

© Майн Рид Т., 1873
© ВЕЧЕ, 1873

Содержание

Предисловие 8
Пролог 9
Глава 1 11
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 19
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 27
Глава 8 30
Глава 9 32
Глава 10 34
Глава 11 37
Глава 12 40
Глава 13 42
Глава 14 45
Глава 15 48
Глава 16 50
Глава 17 54
Глава 18 58
Глава 19 61
Глава 20 65
Глава 21 67
Глава 22 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Томас Майн Рид
Смертельный выстрел.
История, рассказанная заново



Иллюстрации печатаются по изданиям:
London: Ward, Lock & Tyler, Warwic House, [1874];
London: W. Swan Sonnenschein & Co, 1884

THE

DEATH-SHOT:

A Story Retold.

BY

CAPTAIN MAYNE REID,

AUTHOR OF "THE HEADLESS HORSEMAN," ETC.

LONDON:
WARD, LOCK, & TYLER, WARWICK HOUSE,
PATERNOSTER ROW.

© Яковлев А.Л., перевод на русский язык, 2019
© Оформление ООО «Издательство «Вече», 2019
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020
Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Много воды утекло с тех пор, как эта рука в последний раз писала предисловие. Скажу лишь, что роман этот в первоначальном своем виде был написан, когда автор жестоко страдал, как морально, так и физически, в результате огнестрельного ранения, которое могло стать последним рубежом между ним и смертью, сродни пуле между Дарком и Клэнси.

Вы можете спросить, зачем вообще было сочинять в таком состоянии роман? На этот вопрос есть веский ответ, но он сугубо личный и не должен выноситься на суд общественности. Достаточно будет сказать, что автор переделал книгу, практически переписал ее заново.

Сюжет остался тем же самым, но изложен он, в этом автор убежден, гораздо лучше.

Грейт-Малверн, сентябрь 1874 г.

Пролог

Равнина, плоская и гладкая, похожая на спящее море. Нигде нет ни деревца, ни кустика, лишь расстилается бескрайний ковер выжженной солнцем травы. Даже пресмыкающемуся негде спрятаться между ее стеблями.

На ее поверхности виднеется что-то. Это далекие очертания зверей. Но едва ли они заслуживают внимания путешественника. Едва ли ему интересно разглядывать стаю койотов и уж тем более охотиться за ними.

Но стоит призадуматься, если над стаей этих степных волков реют большие черные грифы. Когда эти мерзкие пернатые и подлые звери сопровождают друг друга, то можно побиться об заклад, что где-то рядом имеется добыча. Быть может, это захромавший олень, вилорогая антилопа или дикий мустанг, покалечившийся по причине беспечного своего нрава. В этом случае путешественнику лучше пришпорить коня, предоставив четвероногим и птицам возможность пировать.

Но в эту минуту по описываемому участку прерии не едет ни один путник, здесь нет людей. Как и никаких других живых созданий, если не считать стаи голодных койотов и реющих над ними грифов. И все же человеческий глаз наблюдает за этими стервятниками. И у этого человека есть все основания их опасаться.

Возбуждение зверей и птиц подсказывает, что они рассчитывают на поживу, но еще не приступили к пиру.

Некий странный предмет находится посередине образованного животными кольца. Койоты осторожно и с непонятной опаской приближаются к нему. Грифы, снижаясь по спирали, парят над ним. Но, когда до добычи остаются считанные футы, волки шарахаются и возвращаются к исходной позиции, птицы взмывают в небо, как бы в испуге.

Через некоторое время животные повторяют попытку. И вновь она заканчивается тем же. Что же так привлекает их и одновременно страшит? Это ведь не привычная им добыча в виде туши лося, антилопы или мустанга? Да и не похоже, что это падаль. Но не походит предмет и на живое. Издали *это* напоминает человеческую голову. На меньшем расстоянии сходство усиливается. Стоит подойти еще ближе, и приходит уверенность. Да это действительно *голова человека*!

Что же тут удивительного – найти человеческую голову в прериях Техаса? Ровно ничего, если она без волос. Это означает только то, что какой-нибудь несчастный: траппер, путешественник или охотник за дикими лошадьми, был убит команчами, а затем обезглавлен и оскальпирован.

Но эта голова не оскальпирована; напротив, на ней сохранились еще волосы, причем красивые: волнистые и густые. Голова не лежит на земле, как ее бросили бы, отделив от туловища. Нет, она стоит и держится прямо на траве; подбородок почти касается поверхности, словно она еще на плечах, с которых должны ее снять. Если бы щеки у нее были бледные или окровавленные, а глаза закрытые или тусклые, то все было бы ясно. Но щеки ее не бледны, не окровавлены, глаза не закрыты и не остекленели. Они смотрят, блестят, вращаются… Боже! *Эта голова – живая!*

Неудивительно, что волки отпрыгивают в испуге, а птицы, спустившись к ней, тотчас отлетают. Живая голова смущает их и обращает в бегство.

Между тем они чувствуют, что это живая плоть. Им говорят об этом их зрение, обоняние и инстинкт, не способные ошибиться.

И это мясо живое; мертвая голова не может ни сверкать, ни ворочать глазами. Получают стервятники и другие доказательства жизни. Временами голова раскрывает рот, показывает два ряда белых зубов и испускает крик, который всякий раз отгоняет хищников. Крик этот

раздавался в течение большей части продолжительного летнего дня, чтобы удержать их на безопасном расстоянии.

Причудливое зрелище! Человеческая голова без тела, с глазами, которые вращаются и смотрят, открывающая рот и скалящая зубы, с горлом, издающим членораздельные звуки. Вокруг этого сверхъестественного объекта кольцом стоят койоты, а над ним кружит стая стервятников!

Сумерки спускаются и покрывают прерию багровыми сполохами, а нападающие не меняют положения, и голова тоже неподвижна. Еще довольно светло, чтобы видеть блеск яростных глаз, грозное выражение которых подавляет какой-то таинственной силой хищнический инстинкт животных.

Что же это может быть? Человеческая голова, лежащая на земле, с глазами, которые способны сверкать и видеть, со ртом, открывающимся и показывающим зубы, с горлом, из которого вырываются человеческие звуки? А вокруг этого странного, почти сверхъестественного предмета собралась шайка волков, а над ними реет стая птиц!

Во все продолжение сумерек картина остается та же, происходит только перемена в положении четвероногих и птиц. Голова находится на прежнем месте, так как она неподвижна и может только раскрывать рот и ворочать глазами.

Сумерки в техасских прериях непродолжительны: там нет ни гор, ни высоких холмов – ничего, что могло бы заслонить путь солнцу, удлинить день. И, когда золотой диск скрывается за западным горизонтом, несколько минут льется серо-пурпурный свет, а потом тьма черной скатертью опускается на поверхность земли.

С наступлением ночи обрисованная нами картина меняется. Птицы, повинуясь своим инстинктам – создания они не ночные – возвращаются в свои гнезда. Койоты, напротив, остаются здесь: мрак им благоприятствует, и они надеются сожрать этот круглый предмет, который своими криками и грозными взорами так долго держал их на расстоянии.

Но, на их несчастье, за сумерками почти сразу взошла луна, серебряный свет которой, почти не уступая дневному, озарил прерию, и они опять увидели гневные взгляды, а вылетающие из раскрытых уст крики кажутся еще страшнее в тишине ночи.

Но, по мере того как ночь становится все более глубокой, картина делается еще более странной: она все менее напоминает реальность и все ближе к призрачному миру. Туман, подобно завесе, растекается над равниной, преломляя лучи лунного света. Голова становится размером со Сфинкса, а койоты, эти шакалы ростом с терьера, кажутся величиной с канадских оленей!

Воистину ошеломляющее зрелище, исполненное жутковатой, мистической тайны. Кто же может ее объяснить?

Глава 1
Два типа рабовладельцев

В старые рабовладельческие времена в Соединенных Штатах – к счастью, эта эпоха осталась позади[1] – жестоко попирались принципы гуманизма. С одной стороны существовало жестокое подавление, с другой – горестные страдания. Быть может, и справедливо утверждение, что в большинстве своем рабовладельцы не были злодеями, иные даже выказывали на свой лад склонность к филантропии в стремлении придать патриархальный характер гнусному институту рабства. Хотя идея эта, иллюзорная и призванная служить ширмой, так же стара, как и само невольничество, и вместе с тем она так же современна как мормонизм[2], в котором обрела последнее и самое грубое проявление.

Нельзя отрицать, что невольничество Южных штатов во многих случаях имело относительно мягкий характер, но нельзя и отрицать, что среди американских хозяев встречались примеры вопиющей жестокости, даже бесчеловечности. Встречались рабовладельцы добрые и рабовладельцы злые.

Недалеко от города Натчеза, в штате Миссисипи, жили два плантатора, служившие яркими представителями двух этих типов. Хотя владения их лежали по соседству, они являли полную противоположность друг другу как во внешнем, так и в нравственном облике. Полковник Арчибальд Армстронг, потомок старинной виргинской аристократической фамилии, обосновавшейся в штате Миссисипи, когда из того ушли индейцы чоктавы, представлял собой тип рабовладельца доброго, а Эфраим Дарк, уроженец Массачусетса, переселившийся сюда гораздо позже, являл тип рабовладельца злого. Это может показаться странным для уроженца Новой Англии, потомка пуритан – людей, принесших большие жертвы на алтарь освобождения негров, но между тем, история эта весьма обыкновенная, знакомая всем путешествующим по Южным штатам. Потому как любой южанин вам скажет, что самый жестокий плантатор всегда или сам был невольником, или происходил от отцов-пилигримов, высадившихся на Плимутской скале![3]

Так как во многих отношениях мы уважаем отцов-пилигримов, то и хотели бы верить, что это обвинение сильно преувеличено, если вообще не ложно, и что Эфраим Дарк был уродливым исключением.

А вот обвинение его в бесчеловечности преувеличением не было. По всей долине Миссисипи никто не обращался с рабами более бессердечно. И дома у него, и на полях хлопчатника беспрерывно раздавался свист кнута, и черные жертвы его произвола и злобы подвергались ударам бича, который постоянно носили он сам и его управляющий. Был у плантатора сын, который также с наслаждением пускал в ход плетку. Ни один из этих троих не выходил из дому без этого раскрашенного эластичного орудия, истинного символа сатанинской жестокости. Они никогда не возвращались домой, не истерзав какого-нибудь несчастного «черномазого», которого злая судьба заставила подвернуться им под руку во время объезда плантации.

Невольники полковника Армстронга, напротив, никогда не ложились спать, не помолившись за доброго *массу*, в то время как невольники Дарка, чаще всего избитые, – проклинали своего господина.

---

[1] Имеется в виду отмена рабства в США после Гражданской войны 1861–1865 гг. – Здесь и далее, примечания переводчика.

[2] Религиозное течение, распространившееся в США в середине XIX в.

[3] Отцы-пилигримы – так называют первых английских поселенцев в Америке, основавших в 1620 г. колонию на месте нынешнего города Плимут, штат Массачусетс.

Увы! Мы должны повторить старую истину, что добрыми делами сыт не будешь: злой благоденствовал, а добрый жил в несчастии. Полковник Армстронг, открытый, великодушный, гостеприимный до излишества, тратил больше, нежели получал от своих хлопковых плантаций. Через некоторое время он сделался должником Эфраима Дарка, который всегда жил по средствам.

Вопреки соседству, два плантатора не питали друг к другу приятельских чувств, а уж тем более дружбы. Гордый виргинец, выходец из старинного шотландского рода, имевшего в колониальную эпоху дворянский титул, презирал своего соседа из Новой Англии, предки которого приплыли в трюме знаменитого «Мэйфлауэра». Постыдная надменность, быть может, но вполне естественная для граждан Старого доминиона[4], в последние годы изрядно поубавившаяся.

И все же не она влияла на поведение Армстронга, потому как его неприязнь к Дарку подпитывалась более веской причиной – дурным нравом последнего. Мерзкий характер Эфраима сделал его притчей во языцех во всей округе и нажил ему множество врагов, потому как благородным жителям Миссисипи жестокость отвратительна.

При таких обстоятельствах может показаться странным, что между этими двумя могло существовать нечто общее, какие-то взаимоотношения. И тем не менее это было так. Но то была связь между должником и кредитором, которая совсем необязательно подразумевает дружбу. Вопреки своей неприязни, гордый южанин не отказывался попросить заем у презренного северянина, который всякий раз спешил исполнить просьбу. Он давно уже точил зубы на землю Армстронга, не только потому что та располагалась по соседству, но и потому что казалась Дарку плодом, давно готовым упасть ему в руки. С тайным удовольствием наблюдал он за несоразмерными тратами владельца плантации, и удовольствие это росло, по мере того как у его соседа заканчивались деньги. Оно превратилось в радость, почти открытую, когда в один прекрасный день полковник Армстронг пришел к нему одолжить двадцать тысяч долларов. Дарк согласился с готовностью, которая показалась бы подозрительной любому, кроме его заемщика.

Если с деньгами он расстался со злорадством, то еще больше возликовал, получив в обмен на них закладную, так как знал, что она будет первым шагом, который приведет к полному переходу имения в его руки. Уверенности ему придавал включенный в документ пункт: «в случае неуплаты долга в срок имущество переходит к заимодавцу». Только нужда заставила плантатора Армстронга принять столь кабальные условия.

Прежде чем положить бумагу в ящик стола, Дарк глянул на нее горящими от вожделения и торжества глазами, а потом сказал сам себе:

– Благодаря сделанному сегодня я удвою число своих акров[5], как и число ниггеров. Земли Армстронга, его рабы, его дома – все, что у него есть, скоро станет моим!

[4] Прозвище штата Виргиния.

[5] Акр – мера площади, равная 0,4 га.

Глава 2
Решительный отказ

Два года минуло с тех пор как Эфраим Дарк стал кредитором Арчибальда Армстронга. Внешне отношения между этими двумя людьми оставались прежними, но на самом деле в них произошли большие перемены.

Двадцатитысячный заем был давным-давно потрачен, и заемщик снова нуждался в деньгах.

Для него нелепо и напрасно было бы оформлять вторую закладную на то же самое имущество или другое, которое и принимать в расчет не стоило. Почти все его владения оказались в залоге у Дарка, предвкушавшего, что давно лелеемая мечта вот-вот превратился в реальность. В любой миг он мог потребовать уплаты долга и, выдворив полковника Армстронга из его имения, вступить в права хозяина.

Почему же он не спешил употребить власть, которую закон Соединенных Штатов, как и кодексы других государств, предоставлял ему?

Такая причина существовала, но не имела ничего общего с благородством или человечностью. Как и к дружбе, хотя это и было чувство, близкое к ней. Это любовь не давала ему отобрать плантацию Арчибальда Армстронга и завладеть ею!

Но любовь эта жила не в его собственной груди, давно окаменевшей и недоступной подобным сантиментам. В душе его возвела дом алчность, а правила этим домом скупость, зорко следящая за каждой потраченной монеткой.

Но осталась жилка расточительности и в сердце Эфраима Дарка, и именно она мешала ему воплотить в жизнь коварные стремления, раз за разом обуздывая их. Как уже упоминалось, был у него сын Ричард, больше известный в поселении как Дик – это уменьшительное имя широко распространено в юго-западных штатах. То был единственный сын и вообще единственный ребенок, к тому же выросший без матери, которая сошла в могилу задолго до того, как переселенец из Массачусетса пустил корни в Миссисипи. То был достойный отпрыск, ничуть не лучше своего отца. Скорее напротив, ибо свойственная янки тяга к поживе смешалась в нем с присущей южанам бездумной распущенностью.

Оба этих качества развились в характере Дика Дарка, и каждое достигало крайних пределов. Ни один уроженец Новой Англии не мог потягаться с ним по части скрытности и предприимчивости, ни один миссисипец не превосходил его в похоти и сластолюбии.

Он был жаден, а между тем имел наклонность к мотовству и беспорядку. Состоял членом общества любителей петушиного боя, был своим среди игроков в покер, якшался с шайкой соседских парней. Будучи распутнее всех, он не имел широкой натуры, какая нередко встречается у кутил. Единственный сын Эфраима Дарка и, следовательно, наследник всех его имений и рабов, Ричард, пользуясь полным доверием отца, знал, что невольники и плантации соседа со временем также перейдут к нему.

Хотя Ричард Дарк очень любил деньги, было нечто, чего он жаждал заполучить еще больше – а именно, старшую дочь полковника Армстронга. У последнего было их две: Хелен и Джесси, обе были девицы на выданье, выросшие, как и Дик, без матери, поскольку полковник давно был вдовцом.

Джесси, младшенькая, была светловолосой и пышнотелой, смешливой до безумия: проказливый эльф по характеру, Геба по наружности[6]. Хелен, напротив, была смуглой, как цыганка

[6] Геба – в древнегреческой мифологии богиня юности, дочь Зевса и Геры.

или еврейка, обладала статью королевы и величавым достоинством Юноны[7]. Черты ее отличались классической правильностью, она была рослой и статной и казалась прекрасной пальмой среди обычных лесных деревьев. С первого дня появления своего в обществе Хелен слыла первой красавицей в округе и блистала на балах в Натчезе. Именно ее вассалом сделался Ричард Дарк, именно она покорила его сердце.

Молодой человек был в нее влюблен, насколько могло любить его эгоистическое сердце. Это была единственная страсть, которую он когда-либо испытывал. Отец одобрял ее или, скорее, не противился ей, ибо этот молодой человек, злой и распутный, имел большое влияние на своего родителя, который воспитывал его таким же, как он сам, обманщиком.

Воспользовавшись правами кредитора над должником, Эфраим Дарк и его сын могли в любую минуту потребовать уплаты долга, и не было ни малейшего шанса, что полковник вернет заем. Так что Дарки имели преимущественное положение – они могли диктовать условия.

Хелен Армстронг ничего не знала о закладной, как не догадывалась и о том, что является единственной преградой к употреблению в дело губительного пункта договора. Ей даже не снилось, что ее красота служит единственным щитом, заслоняющим отца от разорения. Быть может, если бы красавица догадывалась об этом, то принимала бы оказываемые ей Ричардом Дарком знаки внимания не с таким ледяным равнодушием. Многие месяцы он расточал их где и когда мог, при любой возможности: во время балов, пикников и так далее. В последнее время участились его визиты в дом отца девушки, где, пользуясь своей тайной властью, он встречал вежливый и любезный прием со стороны владельца поместья. Но, ослепленный ролью будущего хозяина, Дик не замечал, с какой холодностью встречает его та, к которой он с таким пылом обращался.

И все-таки отчасти Дарк эту неприязнь улавливал и пытался угадать ее причину. Ему известно было, что у Хелен Армстронг есть множество поклонников. Да и как могло быть иначе с девушкой столь прекрасной и грациозной? Но среди них не наблюдалось никого, кому красавица выказывала бы предпочтение.

Но у Ричарда возникло подозрение, что один молодой человек по имени Чарльз Клэнси, живущий поблизости сын разорившегося ирландского помещика, пользуется особым ее расположением. Но то было лишь предположение, тем более что Клэнси в прошлом году уехал в Техас – туда послал его отец, приглядывать им новый дом. С тех пор старый ирландец умер, оставив вдову единственной обитательницей скромного жилища и небольшого участка земли, примыкающего к дороге у самой границы имения Армстронга.

Ходили слухи, что молодой Клэнси вот-вот вернется, причем буквально со дня на день.

Но это было неважно. Гордый плантатор Армстронг был не из тех, кто даст дочери согласие выйти за «белого бедняка», как презрительно именовал Ричард Дарк своего соперника, и уж тем более сам не распорядится так ее рукой. Так что отсюда беды ожидать не стоило.

Но, так или иначе, поклонник Хелен Армстронг решил в конце концов поставить вопрос ребром. Любовь Дика переросла в сильную страсть, которую уже не могло сдержать холодное и отстраненное, даже почти презрительное отношение девушки. Оно могло сойти за кокетство. Такой надеждой тешил себя Дарк. И не без основания. Потому как если он и не нравился женщинам, то с точки зрения морали, а не наружности. И этот изъян не помешал ему покорить сердца многих окрестных красоток и даже нескольких городских знаменитостей в Натчезе. Все знали, что он богат или станет богатым, когда его отец умрет и завещание вступит в силу.

Укрепляемый и подогреваемый этой уверенностью, Дик Дарк отказывался понять, почему мисс Армстронг сразу же не капитулировала перед ним. Быть может, это гордыня препятствует ей открыто выказывать свое расположение к нему? Вдруг она его любит, просто не подает вида?

---

[7] Юнона (Гера) – старшая из богинь античной мифологии, супруга Зевса (Юпитера).

Много месяцев пребывал он в этом состоянии неопределенности и наконец вознамерился выяснить правду.

Однажды утром он оседлал коня, пересек границу, разделяющую две плантации, и прибыл к дому Армстронга. Дик попросил разрешения переговорить с дочерью полковника и получил его. Он признался ей в любви и спросил, согласна ли она выйти за него замуж. И в ответ получил категорический отказ.

Когда он возвращался домой, птицы в лесу пели. То были радостные утренние трели, но молодого человека они не веселили. В ушах у него продолжало звенеть односложное «нет». Крылатые певцы вторили ему, словно в насмешку: голубые сойки и красные кардиналы издевались над ним, потому что он посмел вторгнуться в их владения.

Миновав границу между двумя имениями, Ричард Дарк натянул поводья и обернулся. Лоб его нахмурился, зубы обнажились в яростном оскале. Он больше не сдерживал гнева. Ругательства с шипением срывались с его уст, и вместе с ними прозвучало обещание:

– Не пройдет и шести недель, как эти леса станут моими. И пусть меня повесят, если я не перестреляю всех птиц, угнездившихся тут! И тогда, мисс Хелен Армстронг, вы перестанете так много из себя строить. Вы запоете иначе, когда окажетесь без крова над головой! Так что прощай, любимая! Прощай навеки.

Затем он продолжил, обращаясь уже к своему отцу:

– Отлично, папа! Можешь поступать по-своему, чего так давно дожидался. Да, мой достопочтенный родитель, ты волен выставить требование по закладной, подать в суд, обратиться к шерифам – все, что хочешь.

Заскрежетав зубами, он ударил коня шпорами и поскакал дальше, а короткая, но обидная реплика продолжала эхом звучать у него в ушах.

Глава 3
Лесная почта

Жестокое обращение Эфраима Дарка с невольниками приводило к результату, мало заботившему их бесчеловечного хозяина, зато причинявшему ему изрядный ущерб. Временами рабы убегали. Тогда приходилось печатать в местных газетах объявление о беглецах и обещать награду за поимку. Таким образом, жестокость стоила ему дорого.

Но расходы плантатора Дарка отчасти вознаграждались деятельностью его сына. Ричард славился как знаменитый охотник за рабами. Он держал специально выдрессированных собак и много времени проводил в погоне за беглыми невольниками своего отца. После каждой поимки он требовал вознаграждения, словно беглецы принадлежали постороннему. Дарк-отец платил без сожаления и ропота – и может быть, то была единственная уплата, которую этот скупец совершал не скрепя сердце. Ведь это было все равно что перекладывать деньги из одного кармана в другой. К тому же он гордился, что сын его выказывал такую ловкость.

На краю обеих плантаций и соседних, лежавших по одной линии, находилось болото, поросшее кипарисами; оно тянулось вдоль речного берега, занимая пространство в несколько квадратных миль. Это было не просто болото, но сеть ручьев, заливчиков и лагун. Часто болото заливалось водой, и тогда через него иначе нельзя было переправиться, как в лодке или на каноэ. Но находились там и участки жидкой грязи, где не мог пройти ни человек, ни судно. Там постоянно царили сумерки. Солнечные лучи не могли пробиться сквозь ветви деревьев, обремененные громадными растениями-паразитами – tillandsia usneoides[8].

Эта часть леса и представляла убежище для беглых невольников, которые пробирались сюда из самых отдаленных мест, как преследуемый кролик бежит в свою нору.

Ричард Дарк давно облюбовал себе пост на опушке. Кипарисовый лес служил ему заповедником, как молодая поросль служит для стрелка на фазанов или подлесок для охотника на лисиц. Вот только дичь в этом заповеднике была человеческая, и поэтому он преследовал ее с двойным рвением.

Имелись на болоте места, куда Дарк никогда не заходил – обширные неисследованные участки, добраться до которых было очень сложно. Но Ричард знал, что ему нет необходимости туда лезть: прячущиеся в дебрях рабы не могли оставаться в этом сумрачном царстве вечно, ведь в таком случае их ждала смерть от голода. Им требовалось вступать в сношения с внешними миром, и они устанавливали их – через своего рода сообщников в лице какого-нибудь старого друга, товарища-раба на одной из близлежащих плантаций, осведомленных о тайне убежища.

Беглецы должны были выходить за пищей к друзьям, которые приносили им съестные припасы. Ричард полагался на эту естественную потребность, зачастую находя, что, сидя в засаде, как выражаются охотники, добывает больше добычи, чем пуская по следу обученных собак.

Спустя месяц после отказа мисс Армстронг, Дарк пошел на очередную охоту, как всегда, держась края кипарисового болота. Ему никак не удавалось напасть на след «дичи», за которой отправился; предполагаемой добычей был, как всегда, беглый негр, на этот раз один из лучших работников на плантации его отца.

Уже несколько недель как Юпитер – так звали невольника – скрылся. Объявление с его приметами и с обозначением награды поймавшему было напечатано в газетах. Подозревая, что

---

[8] Тилландсия уснеевидная (др. названия: испанский мох; луизианский мох; испанская борода) – растение семейства бромелиевые. В колониальные времена тонкие, гибкие стебли этого растения под названием «древесного волоса» или «растительного конского волоса» использовали для набивки матрацев.

он еще прячется на болоте, Ричард Дарк не раз бывал там в надежде найти следы. Но Юп был парень смышленый и покуда не оставил никаких зацепок, благодаря которым его смогли бы поймать.

Дарк возвращался домой в дурном расположении духа, и не потому, что не преуспел в поисках – то был лишь вопрос денег, а денег ему и так хватало. Злоба его проистекала из другого источника. Он вспоминал о своей отвергнутой любви, о погибших надеждах.

Досада, вызванная отказом Хелен Армстронг, ужасно сокрушала его, толкая на все большие беспутства. Он стал пить еще больше, чем прежде. Причем во хмелю был достаточно глуп, чтобы делиться с собутыльниками причиной своей обиды и не делал большого секрета из планов мести той, которая его отвергла. Ей предстояло быть наказанной через своего отца.

То, что Армстронг в долгу перед Эфраимом Дарком, стало известно всему поселению, как и все подробности про закладную. Принимая во внимание характеры должника и заемщика, люди качали головами и поговаривали, что вскоре Дарк вступит во владение плантацией полковника. И тем скорее, что главным препятствием на пути к исполнению этого заветного желания был его сын, а теперь это препятствие снято.

Вопреки предвкушению скорой мести, Ричард Дарк испытывал острое унижение. Оно не покидало его со дня того самого разговора, и он намеренно лишь растравливал язву. Подсыпало на нее соли и еще одно недавние событие – возвращение из Техаса Чарльза Клэнси. Кое-кто шепнул Дику, что Клэнси видели в обществе Хелен Армстронг. Эти двое прогуливались среди деревьев. *Наедине!*

Подобная беседа не могла состояться с согласия ее отца, но только тайно. А это еще сильнее озлобляло Дарка. Возвращаясь с бесплодной охоты за беглецом, он терзал свое сердце мыслями об этом свидании.

И вот, оставив болото позади, он пробирался вдоль полянки, отделявшей плантацию отца от соседской, как вдруг заметил нечто, обещавшее облегчение его смущенному сердцу: по направлению от дома полковника к болоту шла молодая девушка. То не была не одна из дочерей Армстронга, да Дик и не ожидал их тут встретить. Хотя деревья мешали обзору, он сразу узнал силуэт Джулии – девушки-мулатки, обязанностью которой было прислуживать молодым хозяевам.

– Вот уж поистине дьявольская удача, – прошептал Дарк. – Это возлюбленная Юпитера! Его Юнона или Леда, такая же темнокожая, как он сам. Она, без сомнения, идет на свидание. Мне выпал шанс быть свидетелем их встречи. Двести долларов награды за Юпитера плюс удовольствие высечь собственноручно этого ниггера, как только я наложу на него руки. Хорошо, милая Джул, ты выследишь его для меня лучше, чем все гончие Миссисипи!

И ловец негров спрятался в кустах. Сквозь листья он зорко следил за молодой девушкой, пробиравшейся между деревьев.

Она шла не по тропинке и постоянно оглядывалась, что еще более подтверждало подозрение Ричарда. Охотник за рабами не сомневался, что мулатка направляется на встречу с Юпитером, а это означало скорое обнаружение и поимку беглеца, так долго от него ускользавшего.

Когда девушка миновала его засаду, он вышел и стал красться за нею, стараясь оставаться незамеченным и не потерять ее из вида.

Вскоре она остановилась под большой магнолией, ветви которой, покрытые листьями, похожими на лавровые, покрывали обширное пространство.

Дарк стоял за деревом, откуда мог видеть все действия Джулии. Не отрывая от нее глаз, он повторял про себя: «Двести долларов мне и полторы тысячи отцу». Такова была рыночная стоимость Юпитера, поэтому неудивительно, что Дик весь превратился в глаза и уши.

Каково же было его удивление, когда девушка вынула из кармана письмо и, приподнявшись на цыпочки, вложила его в дупло магнолии! После этого она повернулась и, не задержавшись ни на минуту под тенью дерева, поспешила обратно.

Ричард был не только удивлен, но и глубоко огорчен этой двойной неудачей: не получилось ни высечь Юпитера, ни заработать двести долларов. Охотник за рабами не вышел из засады, позволив мулатке уйти не только беспрепятственно, но и оставаясь в неведении, что ее видели. Он понял, что в письме могла заключаться тайна, хотя и необязательно приятная для него. И отправился к дереву.

Да, он скоро узнал эту тайну и действительно не утешился, скорее напротив. Что бы ни содержало в себе послание, но, прочтя его, Дарк зашатался, словно пьяный, и был вынужден облокотиться о дерево, чтобы не упасть.

Через минуту он пришел в себя, снова прочел письмо и долго рассматривал фотокарточку, вложенную в тот же конверт.

Потом из уст его вырвались слова угрозы, подкрепленные ужасной бранью. Среди ругательств звучало мужское имя, повторяемое не один раз.

Сунув письмо и фотографию в карман, Дик Дарк размашистым шагом удалился с места действия. Зубы его были сжаты, а во взгляде горела злоба, предвещающая упомянутому им человеку серьезную опасность, возможно, даже смерть.

Глава 4
Две славные девушки

Грозовая туча, так низко нависшая над полковником Армстронгом и его имением, готова была разразиться. В тот самый день, на деле, даже в тот самый час, когда Хелен отказала Ричарду Дарку, между отцом и дочерью состоялся разговор, доказавший, что полковник более чем ясно понимал перспективу неминуемого разорения.

Стоило разочарованному поклоннику оставить даму, так резко давшую ему отказ, как рядом с ней появился еще один человек. Это тоже был мужчина, но не соперник Ричарду Дарку, не возлюбленный Хелен Армстронг. Место Дика занял достопочтенный, убеленный сединами джентльмен. То был отец девушки, старый полковник. Когда плантатор вошел в комнату, на лице его читалось опасение, что визит соседского сына прошел не слишком успешно. Вскоре он убедился в этом – дочь без утайки поведал ему о содержании разговора.

– Я предполагал, что это будет предложение, – заметил полковник. – Однако из-за того, что визит был нанесен в столь ранний час, опасался кое-чего похуже.

При этих его словах тень набежала на черты той, кому они были адресованы, а в ее прекрасных сияющих глазах появился немой вопрос.

– Похуже? Опасался? – воскликнула она недоуменно. – Чего мог ты опасаться, батюшка?

– Ничего, дитя мое. Ничего, что имело бы к тебе отношение. Скажи, какой ответ дала ты ему?

– Всего одно слово: нет.

– И этого короткого слова наверняка окажется довольно. О Боже, что с нами будет!

– Милый батюшка! – воскликнула красавица, положив руки на плечи отцу и заглядывая ему в глаза. – Почему ты так говоришь? Ты сердишься, что я ему отказала? Но ты ведь не мог желать, чтобы я сделалась женой Ричарда Дарка?

– Ты не любишь его, Хелен?

– Его? Зачем спрашивать? Как можно полюбить такого человека?

– И не согласишься выйти за него замуж?

– Я не хочу, и даже не могу пойти на это. Да лучше умереть!

– Все ясно. Мне следует покориться судьбе.

– Покориться судьбе, отец? О чем ты? Существует какая-нибудь тайна, некая опасность? Доверься мне. Расскажи все.

– Почему бы и нет, раз скоро и так все станет известно. Да, Хелен, опасность есть. Она проистекает из долга. Я заложил мое имение отцу этого малого и теперь нахожусь всецело в его власти. Все, что у меня есть: земля, дома, рабы – все может перейти к нему в любую минуту. Хоть сегодня, если он того пожелает. А теперь это наверняка произойдет. Твое короткое «нет» сулит нам большие перемены – крах, которого я так давно ожидал. Но не переживай! Пусть будет так. Я приму удар как мужчина. Эта за тебя, дочь моя, и за твою сестру я волнуюсь. Бедные мои девочки – какую перемену сулит вам будущее! Бедность, скудное пропитание, грубая одежда и бревенчатая хижина как кров над головой! Такова отныне ваша доля. На иное надеяться не стоит.

– И что с того, батюшка! Мне, например, дела нет, да и сестра, я уверена, думает так же. Но неужели нет способа…

– Избежать банкротства, хочешь ты сказать? И не спрашивай. Много бессонных ночей провел я в поисках выхода. Но его нет. Был только один, но я не на миг не допускал его, зная, что он неприемлем. Я был уверен, что ты не любишь Ричарда Дарка и не согласишься выйти за него. Это ведь так, дитя мое?

Хелен Армстронг не сразу дала ответ, хотя тот и готов был сорваться у нее с языка. Она колебалась, опасаясь, что он добавочной ношей ляжет на плечи ее отца.

Неверно истолковав его молчание, и побуждаемый, возможно, призраком бедности, стоящим на пороге – сей дух способен любого толкнуть на дурные поступки, даже благороднейшего – из людей, полковник задал вопрос снова:

– Скажи, дочка, согласна ты выйти за него? – Он помолчал немного, затем продолжил: – Отвечай честно, а перед тем хорошенько подумай. Если ты не можешь быть довольна, счастлива замужем за Ричардом Дарком, тогда этот брак даже не обсуждается. Посоветуйся с собственным сердцем, не пытайся угодить мне и не иди навстречу моим нуждам. Ответь, это совершенно невозможно?

– Я уже дала ответ: это невозможно.

На минуту повисла тишина. Отец поник, упав духом, как будто его ударил гальванический разряд. Дочь стояла печальная, понимая, что стала причиной этого разряда.

Опомнившись, она поспешила подбодрить родителя.

– Милый батюшка! – воскликнула она, положив руку на плечо полковнику и с нежностью глядя на него. – Ты говорил о перемене в нашем положении: о банкротстве и прочих неприятностях. Пусть приходят! За себя я не страшусь – лучше жить в бедности, чем замужем за Ричардом Дарком.

– Ну значит, ты никогда не станешь его женой! Оставим эту тему, и пусть беда приходит. Нам нужно приготовиться к бедности и к переезду в Техас!

– К переезду – возможно, но не к бедности. Ничего подобного. Тепло нашей любви позволит тебе чувствовать себя самым богатым. И в самой жалкой хижине и в роскошном дворце ты можешь не сомневаться в моей привязанности к тебе.

С этими словами прекрасная девушка прильнула к груди отца, гладя его седины своими белыми пальчиками.

Открылась дверь, и в комнату вошла еще одна девушка, почти такая же красивая, но светловолосая и помоложе. Это Джесси.

– И не только в моей, – добавила Хелен, заметив вновь прибывшую. – Но и в ее привязанности тоже. Не так ли, сестра?

Сестра, не понимающая, что происходит, сообразила, чего от нее хотят. Уловив слово «привязанность», она одновременно заметила печаль на челе отца. Это побудило ее к действию. Скользнув вперед, она через мгновение повисла на другом отцовском плече, обвив его рукой за шею.

Эти три фигуры застыли, изображая картину чистейшей семейной любви. Радующее глаз зрелище для любого, кто не знал обстоятельств, в каких оказались отец и дочери. Или знал, но понимал истинного их значения. Потому что на лицах их светились искренняя привязанность друг к другу и счастье, подразумевающие светлое будущее и ни намека на бедность или Техас.

Глава 5
Фотография в лесу

На третий день после того как Ричард Дарк изъял письмо из дупла в магнолии, по краю кипарисового болота шел мужчина. Час был примерно тот же, но человек совсем другой. Только возраст составлял в нем сходство с сыном плантатора – ему также исполнилось года двадцать три или двадцать четыре. В остальном он являл прямую противоположность Дарку.

Эти три фигуры застыли, изображая картину чистейшей семейной любви

Роста и веса он был среднего, с поразительно соразмерной фигурой. Плечи прямые, грудь мускулистая, намекающая на недюжинную силу, руки и ноги жилистые, а упругая походка выдавала человека выносливого и деятельного. Черты лица были правильные: линия челюсти твердая, подбородок выступающий, почти греческий нос; при своей миловидности это лицо говорило о благородном характере и готовности храбро отозваться на любую опасность. Подтверждал это впечатление и взгляд серо-голубых глаз, похожий на орлиный.

Копна непослушных, слегка вьющихся каштановых волос обрамляла эту располагающую физиономию, как перо придает законченный облик тирольской шляпе.

Молодой человек носил своего рода охотничий костюм с короткими сапогами и гетрами на пуговицах поверх них. В руках у него было ружье, одноствольная винтовка, а по пятам бежала крупная собака, определенно помесь гончей с мастифом, да еще со щепоткой крови терьера в качестве приправы. Такие беспородные псы не всегда бывают свирепыми, но как никто подходят для охоты в лесу: у них тончайший нюх, помогающий выследить оленя, а силы и выносливости хватит, чтобы не дать спуска, если понадобится, медведю, волку или кугуару.

Хозяин этой тройственной помеси не кто иной, как соперник, имя которого сорвалось с уст Ричарда Дарка, прочитавшего письмо – Чарльз Клэнси. Ему это послание и предназначалось, как вложенная в него фотокарточка.

Как мы уже знаем, несколько дней назад он возвратился из Техаса, чтобы узнать о смерти отца. Все эти дни он по большей части провел дома, утешая, как подобает любящему сыну, свою скорбящую матушку. И только теперь решил развеяться, пойдя на охоту – эту забаву он очень любил. Чарльз побродил по кипарисовому болоту, но, не найдя добычи, с пустыми руками возвращался домой.

Но неудача не опечалила его, потому как у него есть утешение, наполняющее упоением душу. Радость эта почти граничит с безумием. Девушка, похитившая его сердце, любит его!

Девушка эта – Хелен Армстронг. Она не призналась в своих чувствах вслух, но выразила их не менее пылко и убедительно. Молодые люди встречались тайком и обменивались посланиями, дупло в магнолии служило им почтовым ящиком. Поначалу их беседа состояла только из заверений в дружбе, таким же робким было и содержание писем. Пусть Клэнси и храбрец среди мужчин, в обществе женщин он жалкий трус, а уж тем более наедине с ней.

Но во время последнего их свидания Чарльз отбросил скромность и признался ей в любви. Любви пылкой. Он сказал, что целиком принадлежит ей и спросил, согласна ли она принадлежать ему. Хелен уклонилась от ответа *viva voce*[9], но обещала дать его письменно. В условленном месте молодого человека будет ждать письмо.

Клэнси не воспринял такой ответ как обиду. Он верил, что это просто каприз любимой – жеманство красавицы, привыкшей к обожанию и поклонению. Подобно Энн Хэтэуэй, жене Шекспира, у нее есть «свой путь». Ведь Хелен – девушка не обычная, а с характером, свободная и независимая, под стать людям и обстоятельствам, окружающим ее с ранних лет. Он не только не разозлился на нее за отказ дать прямой ответ, но стал обожать еще сильнее. Подобно гордой орлице, она не позволяет приманить себя воркованьем и не готова сразу смириться с утратой свободы.

И вот каждый день и каждый час ждал Чарльз Клэнси обещанного ответа. И два, а то и три раза в день навещал их лесной почтамт.

Несколько дней минуло уже с их свидания, а письма все не было. Откуда мог знать молодой поклонник, что оно было отправлено, да еще с вложенной в него фотокарточкой? И уж тем более представить, что оба эти отправления оказались в руках самого злейшего из его врагов?

Задержка начала его беспокоить, в голове стали роиться догадки. Их подстегивала осведомленность о положении семейства Армстронгов. Кстати, именно эта осведомленность укрепила молодого человека в намерении сделать Хелен предложение.

Теперь, возвращаясь с охоты, он направился к тому участку леса, где росло заветное дерево свиданий. Чарльз не имел намерения останавливаться или отвлекаться на какую-то мелкую дичь. Но тут вдруг олень, увенчанный величественными рогами самец, подвернулся ему навстречу.

Не успел охотник вскинуть ружье, как зверь скрылся из виду, спрятавшись за густой кипарисовой порослью. Клэнси сдержал собаку, рвущуюся с поводка. Олень еще не заметил их и не напуган, поэтому оставалась надежда подобраться к нему поближе.

Он проделал не более двух десятков шагов, как его оглушил звук, громко раскатившийся по лесу. Это ружейный выстрел, произведенный с небольшого расстояния. Причем стреляли не в оленя, а в него самого!

Клэнси ощутил в левой руке нечто, подобное прикосновению раскаленного железа или струи кипятка. Он бы и не догадался, что это пуля, если бы не услышал у себя за спиной звук выстрела.

---

[9] Viva voce – букв. «живым голосом» (лат.), то есть вслух.

Рана – по счастью, простая царапина – не обессилила его. Он резко обернулся, готовый выстрелить в свою очередь. Никого!

Поскольку предупреждения не было – ни единого звука – он не усомнился в намерениях стрелка – тот хотел убить его!

Молодой человек был убежден, что то была попытка расправиться с ним, догадывался и о том, чьих это рук дело. Ему показалось, что выстрел словно произнес имя этого человека – Ричард Дарк.

Сверкающие яростью глаза Клэнси обшаривали лес. Деревья здесь росли тесно, промежутки между ними погружены в тень. Он не видел ничего, кроме могучих стволов, нижние ветви которых увивала призрачная тилландсия, тут и там ниспадающая до земли. Заросли ее сбивали его с толку, как цветом, так и формой. Ее серые побеги, напоминающие струйки восходящего дыма, не позволяли заметить пороховое облачко, вылетевшее из ружья. Чарльз не видел его. Быть может, оно уже рассеялось или растеклось по мху?

Но это не важно. Но ни сумрак, ни теснота деревьев не помешали собаке охотника обнаружить убежище убийцы. С лаем животное бросилось вперед и остановилось шагах в двадцати от огромного кипариса. Кипарис был со всех сторон окружен «коленами» в несколько футов высотой, которые в сумерках можно было принять за людей.

Клэнси вскоре очутился среди них и, стоя между двумя «коленами», увидел того, кто хотел убить его.

Дарк не пытался ничего объяснить. Клэнси не требовал объяснений. Курок его винтовки уже был взведен; заметив противника, он вскинул оружие и воскликнул:

– Подлец! Ты уже сделал первый выстрел, а теперь моя очередь.

Дарк выскочил из убежища, чтобы действовать свободнее. Он вскинул свою двустволку, но, рассудив, что опоздал, не стал прицеливаться, а опустил ружье и снова нырнул за дерево. Это движение, произведенное с проворством белки, спасло ему жизнь.

Клэнси промахнулся. Его пуля пробила полу одежды Дика, но не причинила тому даже царапины.

Издав победный клич, сын плантатора бросился на противника, ружье которого было разряжено, тогда как в двустволке Дарка сохранился еще один патрон. Он неторопливо упер приклад в плечо и взял противника на мушку.

– Вы чертовски плохой стрелок, Чарльз Клэнси, – сказал он насмешливо. – Промазать по человеку с каких-нибудь шести футов! А вот я не промахнусь. Игра будет честная. Я начал, я же и закончу. Получай же *смертельный выстрел*, собака!

При этих словах огненная полоса блеснула из его двустволки. Несколько секунд Клэнси был невидим: дым окружал его облаком. А когда пороховая гарь рассеялась, Чарльз лежал на земле: из раны на груди лилась кровь, растекаясь по жилету.

Его тело билось в агонии.

Судя по медленным и отрывистым словам, сорвавшимся с его уст, молодой человек и сам ощущал приближение смерти:

– Ричард Дарк! Вы застрелили… Вы убили меня!

– Таково было мое намерение, – цинично ответил Дарк, подходя к жертве.

– О небо! Скажите же, несчастный, за что такая жестокость?

– О, вы очень хорошо знаете, за что. А если еще не догадались, то я скажу: за Хелен Армстронг. Впрочем, я убил вас не за нее, а за ваше проклятое нахальство, за мысль, что вы могли завладеть ею. Не обольщайтесь: ей не было до вас никакого дела. Может быть, для вас будет утешением убедиться в этом перед смертью. Так как нет вероятности, что вы увидите ее когда-нибудь, можете полюбоваться ее портретом. Вот он: эта прелестная девица прислала мне его сегодня утром, а вот и ее почерк, как видите. Сходство поразительное! Что скажете? Не стесняйтесь, в вашем положении всегда говорят правду.

Бессердечный негодяй наклонился, держа фотографию у Клэнси перед глазами: умирающий мог еще различить портрет той, кому принадлежало его сердце.

Он смотрел на изображение с любовью, но недолго: подпись внизу поглотила его внимание – он узнал почерк. Страх смерти был ничто в сравнении с отчаянием, овладевшим его душой, когда тускнеющим уже взором он прочел:

«Хелен Армстронг – тому, кого любит».

У Ричарда Дарка был ее портрет – значит, и эти нежные слова были адресованы ему!

– Милая девушка! – воскликнул Дарк, целуя фотографию и вливая новую порцию яда в ухо жертвы. – Она мне прислала его сегодня утром. Ну, Клэнси, прежде чем отойти в мир духов, скажите, как вам этот портрет? Разве она на нем не вышла очень похожей?

Этот издевательский вопрос остался без ответа, ни словом, ни жестом. Губы Клэнси были сомкнуты, глаза остекленели, тело было неподвижно, как и земля, на которой оно лежало.

Этот ужасный эпизод увенчала короткая, но гнусная эпитафия Дарка. То были всего пять слов:

– Черт его побери! Он издох!

Глава 6
Прерванная охота за енотами

Вопреки уединенности места, где произошла стычка, закончившаяся, похоже, трагическим исходом, и ничтожности шансов найти ее очевидцев, имелся тот, кто услышал связанные с ней звуки. Выстрелы, крики, яростные восклицания достигли ушей человека, совершенно правильно истолковавшего их.

Нет округа в южных штатах, в котором не нашлось бы охотника за енотами. В большинстве из них они встречаются во множестве. Интересно, что такими охотниками всегда бывают негры. Охота эта слишком легка и непочетна, чтобы соблазнить белого. В прежние времена на каждой плантации имелся один или несколько черных охотников. Ловля енотов доставляла им и выгоду, и удовольствие. Деньги, вырученные за шкуры, они тратили на покупку табака и виски, так как любили выпить. Мясо, хоть и не ценилось белыми, для чернокожего, неизбалованного мясной диетой, сходило за настоящий *bonne-bouche*[10], и зачастую служило причиной устроить настоящий пир.

Негодяй наклонился, держа фотографию у Клэнси перед глазами

Плантация Эфраима Дарка не была исключением из общего правила, на ней имелся свой охотник за енотами. Это был негр по прозвищу Синий Билл. Такую кличку он получил вследствие того, что в иные дни на его черной коже выступал синий оттенок, а вообще-то, он был черен, как эбеновое дерево. Синий Билл был страстным охотником и любил гоняться за ено-

[10] Bonne-bouche – лакомство, деликатес (фр.).

тами в ущерб собственной безопасности и спокойствию. Охота увлекала его далеко, несмотря на то что дисциплина плантации требовала от него находиться близ дома, и не раз на плечах его оставались следы кнута за самовольную отлучку.

К несчастью для Ричарда Дарка, наказания не излечили охотника от его наклонностей. В тот вечер, когда был застрелен Клэнси, неутомимый Синий Билл бродил по краю кипарисового болота с дворняжкой, приученной искать его любимую дичь.

Гоняясь за старым самцом, эта парочка вышла на опушку леса. Негр готовился подкрасться к сикомору[11], где у енота было гнездо, как раздавшийся вдруг выстрел заставил его вздрогнуть. Опытный слух узнал «голос» двустволки его молодого хозяина, а это был человек, встречи с которым Билл боялся больше, чем с кем бы то ни было, так как опять ушел из дома без разрешения.

Первой мыслью его было залезть повыше на сикомор и укрыться между ветвями: но собака оставалась внизу и могла выдать его.

Пока он соображал, как лучше поступить, раздался другой выстрел, потом третий, послышались голоса и наконец вой собаки, перемежающийся рыком и лаем.

– Вот беда! – прошептал Синий Билл. – Там дерутся, и, похоже, до смерти. И я знаю, кто это. Первый выстрел был из двустволки массы Дика, второй – из винтовки Чарли Клэнси. Чтоб мне провалиться, но я здесь не в безопасности! Куда бы спрятаться?

Он посмотрел на собаку, потом на ствол дерева, обвитого громадными лозами дикого винограда, с помощью которого было легко взобраться на самый верх, и так легко, что смело можно было взять с собой и собаку. Именно по этой «лестнице» негр собирался лезть за енотом. Страх того, что молодой хозяин мог зайти сюда и заметить его, заставил не терять ни минуты: Синий Билл схватил собаку и полез на дерево, как медведица, уносящая медвежонка.

Через десять секунд он уже был между ветвями, совершенно скрытый листьями от тех, кто мог проходить внизу.

Почувствовав себя в безопасности, охотник снова навострил уши. И услышал те же голоса, что и прежде. Но они уже не звучали сердито. Тон был спокойный, как будто те двое мирно беседовали. Один из них произнес всего пару слов, остальные принадлежали другому. Наконец тот же самый человек разразился чем-то вроде монолога, на который второй ничего не ответил.

В этой перемене тона было нечто странное, необъяснимое.

Охотник на енотов определил, что говорил его молодой хозяин, но не мог разобрать слов, а тем более уловить их смысла. Расстояние было слишком велико, да и распространению звука мешали толстые кипарисовые «колена».

Наконец прекратился и монолог, а вскоре за ним прозвучало восклицание, произнесенное более громко и с чувством.

Затем наступила тишина, столь глубокая, что Синий Билл услышал стук собственного сердца, бьющегося часто и гулко. Удары казались еще более громкими из-за того, что негр плотно прижимался грудью к полому стволу дерева.

[11] Сикомор, также платан западный – произрастающее в Северной Америке дерево, достигающее пятидесяти метров в высоту.

Глава 7
Убийство без раскаяния

После прозвучавших из уст Дарка кощунственных слов повисла гнетущая тишина: незыблемая и похожая на смерть, как будто все живые создания в лесу внезапно онемели или тоже испустили дух.

Невыразимо, невероятно мерзко было поведение человека, сделавшегося хозяином поля боя. Во время схватки Дик Дарк выказывал хитрость лисицы вкупе с яростным коварством тигра. Оставшись победителем, он повел себя как помесь шакала со стервятником.

– Мертв, как пить дать, – сказал Дарк, наклонившись над поверженным врагом, чтобы убедиться в его смерти.

Слова эти были произнесены хладнокровно. Затем, словно все еще сомневаясь, он наклонился еще ниже и прислушался. И одновременно с этим взялся за рукоять охотничьего ножа, собираясь погрузить его в распростертое тело.

Но потом понял, что нужды в этом нет. Враг не дышал, рана почти не кровоточила – определенно перед ним лежал труп.

Уверившись в этом, Дик распрямился и воскликнул еще громче и развязнее, чем прежде:

– Да, мертв, черт его побери!

И когда он наклонился над бездыханным телом своей жертвы, никакое раскаяние, никакое сожаление не обнаружилось ни в его взоре, ни в лице. Напротив, холодные звериные глаза как бы еще сверкали ревнивой ненавистью, а ладонь продолжала сжимать рукоятку обнаженного до половины клинка. Красота соперника, пусть даже и мертвого, бесила его!

Но вскоре мысль об опасности промелькнула у него в голове, и душа поддалась влиянию страха. Он вдруг осознал, что совершил убийство.

– Нет, – сказал Дик, пытаясь оправдаться перед собственной совестью, – это не убийство. Правда, я умертвил его, но ведь и он в меня стрелял. Я могу доказать, что ружье его разряжено, а вот и отверстие от пули на моей одежде. И действительно, меня спасло только чудо!

Некоторое время он простоял, погруженный в размышления. Взгляд его опустился на распростертое тело, затем метнулся к деревьям, как будто в опасении, что кто-то идет с той стороны. Но едва ли его могли застигнуть тут. Место было совершенно уединенное, путники его не посещали, работники с плантаций – тем более. Дровосек никогда не забирался в эту глушь, сюда могли заглянуть только случайный охотник или беглый негр.

– Признаться ли прямо, что я убил его? – снова заговорил сам с собой Дик. – Я могу сказать, что мы встретились на охоте, что бой был честный – выстрел за выстрел, и волей судьбы за мной остался последний. Но поверят ли мне?

Он взглянул на труп, потом на деревья, ветви которых были окутаны, словно занавесками, испанским мхом. И подумал, что в таком уединенном месте не составит труда спрятать мертвое тело. Подобно сполохам молнии, замелькали эти мысли в уме убийцы. В итоге он отбросил наполовину уже созревшее решение признаться.

– Нет, – продолжал Дарк, подводя черту. – Это ни к чему! Лучше не рассказывать никому о том, что случилось. Наверняка никто не станет искать его здесь.

Он еще раз осмотрелся вокруг, ища подходящее место, чтобы спрятать труп. Решение было принято.

Неторопливая речушка петляла между деревьями, шагах в двухстах от тропы. В тени кипарисов вода казалась черной и была довольно глубока для задуманной негодяем цели.

Но чтобы перенести на берег тело, требовалось большое усилие, а если тащить волоком – останутся следы.

– Я брошу его здесь, где он лежит. Никто никогда сюда не заходит, – сказал Дарк, оценив трудности. – Однако не помешает укрыть его немного. Так что, Чарльз Клэнси, если я и отправил вас к праотцам, то в небрежении к вашим бренным останкам меня обвинить нельзя. Если я о них не позабочусь, ваш дух станет преследовать меня. Во избежание злой судьбы, я предам вас погребению.

Произнося эту жутковатую насмешливую тираду, Дик прислонил двустволку к дереву и стал обрывать с веток испанский мох. Похожие на бороду заросли паразита сдирались легко. Убийца набросал на еще не остывшее тело с дюжину охапок, потом придавил их сверху сучьями упавших деревьев, чтобы ветер не растрепал сероватый саван.

Разбросав вокруг еще несколько пучков мха, чтобы скрыть следы крови и сапог, Ричард решил отдохнуть от трудов своих и немного постоял, созерцая проделанную работу.

Явно удовлетворенный, он взял ружье и собирался уже уходить, когда до его уха донесся звук, заставивший его вздрогнуть. И неудивительно, потому что звук был похож на плач по покойнику!

Сперва Дарк испугался, причем изрядно, но быстро пришел в себя, разгадав причину.

– А! Это всего лишь собака! – пробормотал он, заметив скрывающегося среди деревьев пса.

Когда хозяин был убит, собака убежала, боясь, без сомнения, подвергнуться такой же участи, а потом вернулась, осторожно, шаг за шажком приближаясь к роковому месту. В животном сражались два инстинкта: привязанность к убитому хозяину и страх за собственную жизнь.

Ружье Дарка было разряжено, и он пытался приманить собаку, чтобы заколоть ее ножом, но, вопреки всем его стараниям, она не подходила.

Торопливо забив заряд в один из стволов, Дик прицелился и выстрелил. Пуля попала собаке в шею, но только разодрала кожу, вызвав фонтанчик крови. Испуганное животное громко взвыло и убежало, не выказывая намерения вернуться.

Поток грязных ругательств вырвался из уст Дарка, глядящего ему вслед.

– Черт побери! – воскликнул затем он. – Какую же глупость я сотворил! Эта проклятая псина побежит в дом Клэнси. Там наверняка встревожатся и отправят людей на поиски. А собака приведет их прямиком сюда, к этому месту. Адова сила!

Произнося эту тираду, убийца побледнел. Впервые ему стало по-настоящему страшно. Он знал, что в таком уединенном месте можно скрыть труп, а с ним – и свой кровавый поступок. Все шансы были на его стороне, но он позабыл о собаке. До поры все складывалось хорошо, но теперь, когда пес убежал, обстоятельства могли обернуться против него. Не требовалось большого ума, чтобы понять это. Как и сообразить, что и медлить в нерешительности тоже нельзя.

Ясно было одно – задерживаться на этом месте не стоит. Собака убежала, завывая. До дома Клэнси добрых две мили, но на пути к нему стоит лачуга скваттера[12] с расчищенным от леса участком земли. Если ее обитатели увидят окровавленную и насмерть перепуганную псину, они наверняка поднимут тревогу.

Дик Дарк недолго рассуждал о возможностях и вероятностях. Вопреки своей уединенности, кипарисовый лес не настраивал на философские размышления, по крайней мере, сына плантатора. Где-то далеко среди деревьев слышался вой раненой псины.

Игра ли это воображения, или ему действительно послышались и человеческие голоса?

Дожидаться и проверять Дарк не стал. У него не было ни малейшего желания пробыть хоть одну лишнюю минуту рядом с окровавленным трупом.

---

[12] Поселенец, самовольно занявший участок земли для ведения сельского хозяйства.

Вскинув ружье на плечо, он двинулся в лес: сперва быстрыми шагами, потом еще быстрее, наконец побежал. Но в сторону, противоположную той, куда удалилась собака, и не туда, где располагалась отцовская плантация. Путь вел его глубже в болота, через топи и грязь, на которой сохранялись отпечатки его ног. Дик спрятал тело, скрыл и уничтожил свидетельства схватки, но в панике не обращал внимания на следы, оставляемые теперь.

Убийца бывает дальновиден только перед преступлением – а после, если у него есть совесть или не достает хладнокровия, он теряет присутствие духа и всегда оставляет следы, способные послужить для сыщика ключом к разгадке.

Так случилось и с Ричардом Дарком, когда в испуге он сломя голову удалялся от сцены своего дьявольского деяния. Молодой человек желал только, чтобы как можно большее расстояние отделяло его от места, где он пролил невинную кровь, чтобы не слышать воя этой проклятой собаки, смешивающегося с криками людей – голосами мстителей!

Глава 8
Предосторожность охотника на енотов

Пока Дарк прятал тело Клэнси, а затем пытался убить собаку, охотник за енотами сидел на развилке сикомора, прильнув к стволу крепко, как «смерть к мертвому ниггеру», если использовать бытовавшую среди невольников пословицу. Его трясло от страха, и не без причины. Наступившая следом за обменом репликами тишина не обрадовала его. Билл предположил, что это не более чем передышка, остановка в ссоре, и оба ее участника до сих пор ходят по земле. А если остался лишь один, то это его хозяин – ведь его монолог негр слышал последним. За время молчания, несколько затянувшегося, охотник строил предположения, что это была за стычка и что ее вызвало. Определенно то был «обмен пулями» между Диком Дарком и Чарльзом Клэнси. Но чем закончилась дуэль, и закончилась ли? Убит ли один из противников или убежал? Или же оба покинули место, где пытались пролить кровь друг друга?

Пока Билл задавал себе эти вопросы, новый звук нарушил спокойствие леса: тот самый, который убийца принял первоначально за плач по его жертве. Охотник на енотов не питал подобных заблуждений. Едва заслышав вой, он сразу узнал голос гончей, принадлежавшей Клэнси. Озадачил его только тон, теперь совершенно переменившийся. Животное не лаяло и не рычало, и не скулило, как после полученной взбучки. То был негромкий протяжный вой, эхом отражавшийся от кипарисовых стволов. В нем угадывалась какая-то странная печаль, как будто пес уснул и видел сон!

Потом снова послышался голос человека, его хозяина. И его интонации тоже изменились. То не были сердитые реплики и не спокойный разговор, а вкрадчивые уговоры, адресованные явно не Клэнси, а его собаке. «Чудно все это», – подумал охотник на енотов. Не успел он толком поразмыслить, как по лесу раскатился другой звук, прервавший ход его мыслей. Еще выстрел! На этот раз, как и дважды до того, то был гулкий «бум!» гладкоствольного ружья, так отличающийся от резкого сухого щелчка винтовки.

Хорошо подкованный по части этих различий, по сути, настоящий знаток, Синий Билл сразу определил, из какого оружия был произведен выстрел – из двустволки Ричарда Дарка. Для Билла это была лишняя причина поглубже спрятаться в своем убежище.

А также озаботиться поведением собственной собаки, потому как, услышав голос другого пса, дворняга вздумала откликнуться. И откликнулась бы, не сожми сильные пальцы хозяина ей горло, не позволяя звуку вырваться наружу, и не шлепай он ее время от времени для острастки.

После выстрела гончая снова взвыла, но уже по-другому, и гораздо тише – похоже, животное отбежало прочь и продолжало удаляться.

Вскоре новый звук долетел до ушей охотника на енотов. Поначалу тихий, затем более отчетливый. Это были шаги, сопровождающиеся шумом раздвигаемых веток карликовых пальм, образующих подлесок. Кто-то ломился через них, приближаясь к сикомору, где укрылся негр.

Тот сильнее прежнего затрепетал на своем насесте, еще крепче сдавив горло своего четвероногого спутника. Он не сомневался, что это идет его господин, точнее, сын оного. Характер звуков намекал на спешку – поспешный, не разбирающий места бег. Это вселило в провинившегося раба надежду не быть обнаруженным, а значит, и наказанным. Он убедился в справедливости своих предположений, когда несколько секунд спустя между деревьями появился Ричард Дарк. Молодой плантатор бежал сломя голову, но время от времени останавливался, оглядывался и прислушивался.

У сикомора, а точнее, прямо под ним, он задержался на время, большее, чем обычно. Лоб его был покрыт каплями пота, они стекали по щекам, заливали глаза. Дик достал из кармана сюртука платок и утер их. Поглощенный этим занятием, он не заметил, как что-то белое вытащилось вслед за платком и упало на землю. Возвратив кусок батистовой ткани на место, молодой плантатор поспешил дальше, оставив утрату незамеченной. Он бежал и бежал, пока топот его шагов и шуршанье сухих веерообразных листьев не растворились в обычных звуках леса.

Только тогда и ни минутой раньше Синий Билл решил покинуть спасительную развилку. Он спустился и подошел к оставшейся лежать на земле вещи. Это обычное письмо в конверте. Негр взял его и заметил, что конверт распечатан. Он и не подумал вытаскивать наружу сложенный листок бумаги. Прока в этом не было, потому что читать охотник на енотов не умел. Но инстинкт подсказал ему, что эта находка может в свое время обернуться кладом и сыграть ему на руку. И потому Билл предусмотрительно сунул ее в карман.

А потом остановился и задумался. Теперь ни один звук не тревожил его. Шаги Дарка стихли в отдалении, болото и лес вернулись к первозданной тишине. Единственное, что слышал Синий Билл, это удары его собственного сердца, достаточно громкие, впрочем.

Он и думать забыл о продолжении охоты. Енот, еще недавно обреченный на верную смерть, мог спокойно спать в своем дупле. У Синего Билла появились теперь другие заботы, и ему стало не до добычи. Охотник хлопотал о собственной шкуре. Хотя молодой хозяин не видел его и даже не подозревал об его присутствии, что-то подсказывало невольнику, что несчастный случай поставил его в опасное положение. И было совершенно очевидно, что произошло какое-то трагическое событие.

Как же ему поступить в таких обстоятельствах? Пойти туда, откуда гремели выстрелы и собственными глазами увидеть, что произошло?

Поначалу негр порывался так поступить, но одумался. Он уже боялся того, что знал, и не смел выяснять больше. Вдруг его молодой хозяин – преступник? Это подтверждало и бегство Дика. Следует ли ему, Синему Биллу, влезать в дело об убийстве, давать показания против виновника? Показания его как раба не будут иметь веса для правосудия. А если он их даст, то за его жизнь, жизнь невольника Эфраима Дарка, никто и ломаного гроша не даст.

Последний довод оказался убедительным. Все еще держа под мышкой своего пса, Синий Билл крадучись пошел прочь. Он не остановился ни разу, пока не оказался в безопасности негритянского поселка.

Глава 9
Бегство убийцы

Ричард Дарк бежал через густой лес так, словно кто-то гнался за ним. Насколько позволяли заросли, он держался прямой линии, идя напролом, как загнанный медведь, и время от времени спотыкался об упавшие деревья или путался в длинных ветвях ползучего винограда. Убийца мчался в надежде подальше убраться от места, где остался лежать его соперник.

Он не сбавлял хода и не останавливался, а если останавливался, то только для того, чтобы прислушаться или взглянуть, нет ли за ним погони.

Гадая, началась она уже или нет, Дарк снова пускался бежать. Лицо его перекосилось от страха, руки и ноги тряслись. Хладнокровие, которое он проявлял, скрывая труп, оставило его совершенно. Прежде он был убежден, что никто не видел его поступка и что не осталось ни малейшего следа, способного его обличить. Появление, или, лучше сказать, бегство собаки все изменило. Этот факт, а также игра собственного воображения были причиной такого состояния Дика.

Ричард пробежал сломя голову около мили. По мере того как усталость брала свое, ужас начал отступать, преувеличенные страхи несколько улеглись. Решив, что он удалился достаточно от опасного места, Дарк начал сбавлять шаг, а затем и остановился.

Усевшись на поваленное дерево, молодой человек вынул платок и утер с лица пот. Он весь взмок и запыхался. Успокоившись и поразмыслив, Дик сначала пришел к выводу, что такое поспешное бегство было лишено смысла, а потом отругал себя за опрометчивость.

– Как я был глуп! – пробормотал он себе под нос. – Предположим, что кто-нибудь меня видел? Я бы себе только навредил. От чего я убегал-то? От мертвого человека и живой собаки! С какой стати мне беспокоиться насчет обоих? Даже если пословица права, и лучше быть живым псом, чем дохлым львом. Будем надеяться, что собака ничего не расскажет. Я ведь точно в нее попал. Ну да ладно: кто возьмется определить, чья это была пуля и из какого ружья вылетела? Тут мне ничего не грозит. Ну и дурак же я, что переполошился! Но хватит о прошлом, вопрос как быть дальше?

Он посидел несколько минут на бревне, положив ружье на колени и свесив голову на грудь, и погрузившись, как казалось, в некие расчеты. У него родилась мысль – некий план, потребовавший больших умственных усилий.

– Я приду на это свидание, – снова заговорил Ричард сам с собой, явно приняв решение. – Я встречусь с ней под магнолией. Кто способен предвидеть перемены, совершающиеся в сердце женщины? В истории есть у меня царственный тезка, один английский король, который был горбат, безобразен и, по его собственным словам, сделан «небрежно, кое-как и в мир живых отправленный до срока»[13]. На него лаяли собаки, как на меня собака Клэнси некоторое время назад. Этот царственный Ричард ухаживал за женщиной, мужа которой умертвил. И не просто за женщиной, но за гордой королевой. И не просто ухаживал, но и покорил. Это должно ободрить меня, тем более что я, Ричард Дарк, не калека, не горбун, не урод, что может подтвердить не одна девушка на Миссисипи. Пусть Хелен Армстронг не менее горда, чем королева английская, а между тем у меня есть средство смирить ее. Мой план так же ловко задуман, как и план моего венценосного тезки. Пусть Бог или дьявол увенчают его таким же успехом!

Произнеся это богохульство, он встал и посмотрел на часы.

– Половина десятого, – пробормотал он. – Свидание назначено на десять. Мне не успеть вернуться домой, а потом в лес Армстронгов. Да и какой смысл идти домой? Переодеваться

[13] У. Шекспир. Ричард III, акт I, сцена 1.

нет резона. Она не заметит дырочки на моем сюртуке, а если б и заметила, не заподозрит, что это проделано пулей. Надо идти: нехорошо будет заставить ждать эту милую особу. Ее счастье, если она встретит меня приветливо, но горе ей, если прием окажется дурным. Если так, я ее прокляну! Случившееся приготовило меня к любому из исходов. Так или иначе, я отплачу ей за холодный отказ. Бог свидетель, отплачу!

Он уже направился прочь, но решил еще раз убедиться, точно ли помнит время, указанное Хелен Армстронг для свидания в письме к Клэнси. После безумного оборота, который приняли события после его знакомства с посланием, у него в голове все путалось.

Дарк опустил руку в карман, где хранились письмо и фотокарточка – он убрал их туда после, того показал умирающему и насладился убийственным эффектом. Совершив этот дьявольский поступок, Дик был настолько переполнен торжеством, что сунул бумаги в карман впопыхах, небрежно.

И теперь их там не оказалось!

Дарк обыскал все карманы, но тщетно. Проверил подсумок для пуль и мешок для дичи. Но не обнаружил ни письма, ни фотографии, ни даже жалкого клочка бумаги. Украденное послание с вложенным в него портретом исчезли.

Перерыв все, что мог, вывернув карманы наизнанку, Ричард вынужден был признать, что драгоценные бумаги утрачены. На миг это обескуражило и огорчило его. Куда они делись? Он мог выронить их во время бегства через лес, а мог оставить на мертвом теле.

Не стоит ли вернуться и поискать их?

Ну уж нет! Дарк не отваживался на это. Лесная тропа казалась ему теперь слишком мрачной, слишком одинокой. На краю зловонной болотной заводи, под сенью зловещих кипарисов ему мерещился призрак убитого им человека!

Да и чего ради возвращаться? Что такого было в этом письме? Ничего, что могло бы скомпрометировать его. В таком случае какая надобность отыскивать пропажу?

– Провались пропадом это письмо, с фотокарточкой вместе! – воскликнул Дик. – Пусть сгниют оба! Я, верно, где-то их обронил, в грязи или среди кустарников. Неважно где. Важно оказаться в назначенный час под магнолией и встретиться с Хелен. Там решится моя судьба, к добру или к худу. В первом случае я и дальше стану верить истории про Ричарда Плантагенета, во втором случае Ричарду Дарку не будет до этого короля никакого дела.

Произнеся этот причудливый монолог, подкрепленный соответствующим выражением лица, убийца застегнул сюртук, который распахнул, когда обшаривал карманы. Затем небрежно вскинул ружье на плечо и быстрыми шагами отправился на свидание, назначенное не ему, а застреленному им человеку.

Глава 10
Накануне отъезда

Бедственный день настал, ожидаемый крах разра-зился.

Закладная, так долго нависавшая у Арчибальда Армстронга над головой, подобно дамоклову мечу, вступила в действие. Дарк потребовал немедленной уплаты долга, грозя в противном случае забрать у должника все его имущество.

Требование было предъявлено месяц назад, его срок истек и решение о передаче собственности вступило в силу. Отточенное лезвие упало, перерезав нить, связывающую полковника Армстронга с его владениями, а владений с ним. Еще вчера он был уважаемым собственником, обладателем одной из лучших плантаций на побережье Миссисипи, сотни крепких негров, возделывающих хлопчатник в полях, и еще пяти десятков, извлекающих хлопок из коробочки и очищающих от семян; а сегодня остался хозяином всего этого добра лишь по видимости, тогда как реальная власть оказалась в руках Эфраима Дарка. На следующий же день Армстронгу предстояло расстаться и с видимостью власти, так как Дарк известил должника, что намерен вступить во владение его домами, землями, рабами, инвентарем на плантациях. Короче, всего, что у него было.

Напрасно боролся с судьбой, напрасно предпринимал усилия избежать ее. Когда человек падает, ложные друзья исчезают, и даже истинные становятся холоднее. Сама фортуна обратилась против него: на финансовом рынке разразился кризис, и, как всегда бывает в подобных случаях, проценты по займам стали расти, и кредиторы презрительно кривились в ответ на попытки перезаложить имущество.

Так как никто, ни друг, ни спекулянт, не поспешили Армстронгу на помощь, у него не осталось иного выбора как капитулировать.

Слишком гордый, чтобы преклонять колени перед неумолимым кредитором, да и не склонный растрачивать силы на пустые старания, он не удостоил требование о передаче имущества ответом.

– Чему быть, того не миновать, – только и сказал полковник.

В последний момент он внял предложению кредитора произвести оценку собственности и избежать затрат на проведение публичного аукциона, в частном порядке передав все лично Дарку.

На это полковник согласился не столько из желания угодить старому Эфраиму, но из чисто врожденного отвращения к вещи столь вульгарной, как распродажа. Покажите мне картину более печальную, чем старый джентльмен, наблюдающий, как его ворота уходят под стук молотка аукционера; как устилавшие лестницы ковровые дорожки свешивают из окон спален; как одна алчная толпа вливается в двери в поисках поживы и как другая изливается ей навстречу, нагруженная пенатами его дома, при этом гнусно потешаясь над ними, оскорбляя богов жилища, которые прежде так почитались. Уф! Отвратительное, мерзкое зрелище, настоящий пандемониум!

Преследуемый зрелищем подобного домашнего святотатства, бывшего не смутной угрозой, но явью, стоит только имению пойти с молотка, полковник Армстронг принял предложение Дарка передать ему все скопом за общую цену. Условия были оговорены, и вскоре полковник узнал свою судьбу. В его собственности оставались всего десять рабов – то была благодарность кредитора за сделанную уступку.

До вступления сделки в силу оставалось еще несколько дней, и они были потрачены на подготовку к перемене. Перемене большой, подразумевающей расставание не только со старым домом, но и со штатом, в котором тот стоит. Павший владелец не желал долее находиться среди

тех, кто был свидетелем его падения. Он решил покинуть своих друзей, истинных и ложных. Ему воистину невыносима была мысль и впредь жить среди тех, кто будет наблюдать за его унизительным барахтаньем у подножья лестницы, на вершине которой он некогда с гордостью восседал.

Он предпочел воплотить в реальность свой замысел, который некогда считал туманной мечтой, и перебраться в Техас. Там он сможет начать жизнь заново, не испытывая при этом острого чувства стыда.

Подошел роковой день, точнее, его канун. На следующее утро полковнику Арчибальду Армстронгу, повинуясь человеческим законам – если не более неумолимым, то более суровым, чем законы природы – предстояло покинуть дом, под кровом которого он прожил так долго.

* * *

Наступила ночь. Тьма набросила бледный полог на поля и лес и сгустилась над более светлой полосой текущего мимо них потока – могучей Миссисипи. Вокруг темно: после захода солнца все небо затянули черные тучи. Единственные проблески – это светлячки, занятые своим ночным танцем, а единственные звуки – привычный шум леса южных штатов, леса полутропического, его производят обитатели этих дебрей. Стрекочет зеленая цикада, слышится голос квакш, этих земноводных, умеющих подражать насекомым, а звучное «клак-клак» большой леопардовой лягушки смешивается с меланхоличным «ух-ху» большой ушастой совы. Незримая, скользит эта птица между деревьями, наводя путника на мысль, что лес населен неприкаянными душами, томящимися в чистилище.

Не навевают веселья и крики, раздающиеся наверху, поверх крон деревьев. Подает голос козодой, зрение которого вопреки тьме позволяет ему разглядеть мотылька или мошку. Устав гнездиться на ветках, он взмывает ввысь. Козодои бывают двух видов, и каждый кричит по-своему, хотя оба выражают антипатию к «Уильяму». Один пусть и издает призыв «Би-ить Вилли!», но хотя бы рассматривает его как живого. Другой же видит в нем мертвеца и сочувствует безутешной супруге: «Чака Вилли вдова!»

Нарушают тишину миссисипской ночи и иные звуки. С высоты долетает гоготание дикого гуся, ведущего клин; время от времени слышится более мелодичный призыв лебедя-трубача, а иногда с тополя или кипариса слышится резкий, как звук пилы, клекот белоголового орла – он сердится, что какое-то животное подошло слишком близко и нарушило его сон. Внизу, в болотной осоке, раздается печальный стон кваквы, этой американской выпи, и тут же слышен рык самого отвратительного создания на земле – аллигатора.

Там, где к лесу примыкают поля – расчищенные под плантации участки, немногочисленные и далеко отстоящие друг от друга, – звуки становятся более жизнерадостными. Слышится песня раба, окончившего дневные труды, ее перемежают взрывы громкого хохота; лает собака, исправно карауля дом, а мычание и блеяние скота говорят, что охранять тут есть что. Созвездие крошечных огоньков, выстроившихся рядами, подобно уличным фонарям, выдает негритянский поселок, тогда как с полдюжины больших окон, освещенных более ярко, указывают на местоположение «большого дома» – усадьбы плантатора.

Для владений полковника Армстронга эта ночь особенная, огни тут горят позже, чем обычно. Часы на плантации вот уже час назад пробили девять, а окошки негритянских лачуг еще светятся, как и окна в «большом доме». В последнем ярко горят свечи, открывая сцену бурной деятельности, а хор голосов – в котором нет места смеху – смешивается со звоном цепей, а по временам с ударами молота. В окнах видны силуэты мужчин и женщин, хлопотливо бегающих туда-сюда.

Удивляться тут нечему: плантатор и его домочадцы готовятся к отъезду поутру. Все на виду и хлопочут – хотя час поздний, дел еще много.

И только одна обитательница усадьбы ведет себя странно. Это молодая девушка, которая выскальзывает в дверь и удаляется от освещенного дома, оглядываясь время от времени, не следит ли кто за ней и не заметили ли ее ухода.

Ее одежда выдает нежелание быть замеченной – она закуталась в плащ и поглубже надвинула капюшон. Едва ли этот маскарад способен кого-либо обмануть: даже самый флегматичный раб с плантации полковника способен с первого взгляда определить, кто скрывается под этим коконом из ткани. Он сразу узнает дочь хозяина, потому как никакой бесформенный наряд не способен скрыть королевскую фигуру Хелен Армстронг или лишить ее элегантности. Даже переодевшись в прачку, она будет выглядеть как дама.

Быть может, впервые в жизни она пробирается украдкой, согнувшись, а на лице ее отражается страх. Дочь крупного плантатора, хозяйка множества рабов, привыкает держаться прямо и властно. Но сегодняшняя ее миссия требует осторожности, и девушка не хочет, чтобы кто-из невольников отца узнал ее.

К счастью для нее, никто ее не замечает, в противном случае она не осталась бы незамеченной: ну какая женщина станет закутываться в плащ и надвигать капюшон, когда на улице жара в девяносто градусов по Фаренгейту![14]

Вопреки многочисленным огням, ей удается незамеченной выбраться за пределы пространства, которое они освещают. Дальше риска меньше: нужно миновать персиковую рощицу, растущую за домом. Еще проще проскользнуть через калитку, выходящую на дорогу к лесу. Едва ступив под сень густо растущих деревьев, Хелен исчезает во тьме, которая еще гуще благодаря пасмурности ночи. Но едва ли эта пасмурность сохранится надолго – подняв глаза к небу, девушка видит, что затянувшая небо облачная пелена разрывается, и тут и там сквозь нее проступают звезды. Не успевает она достичь дальнего края расчищенной под поле вырубки, как на горизонте появляется светлый пояс, предвещающий восход луны.

Хелен не дожидается этого события, но бросается в погруженный в тень лес, невзирая на таящиеся в нем опасности.

[14] 32° по шкале Цельсия.

Глава 11
Под деревом для свиданий

Все еще крадущейся походкой, бросая по сторонам настороженные взоры и оглядываясь, а по временам останавливаясь, чтобы прислушаться, Хелен Армстронг продолжала свою ночную вылазку. Вопреки темноте, она придерживалась определенного направления, как если бы направлялась к конкретному месту по важной причине.

Надо ли говорить, какое намерение влекло молодую девицу через лес в такую позднюю пору? Конечно, это была любовь, любовь тайная, неразрешенная, а возможно, и неодобряемая человеком, имеющим над нею власть.

Любовь влекла Хелен к цели, тогда как страх перед отцом, а вовсе не холод заставлял ее кутаться в плащ и прятаться под капюшоном. Прознай ее родитель о цели этой прогулки, та бы не состоялась. И девушка прекрасно это осознавала. Ее отец потерял имущество, но сохранил гордость, цепляясь за мираж былого социального превосходства. Знай он, что его дочь в почти полуночный час идет через лес одна, на встречу с мужчиной, которого еще совсем недавно прохладно принимали в его доме, поскольку Клэнси не входил в избранный круг общества; имей полковник Армстронг дар ясновидения, он мог, отбросив сборы, схватить винтовку и кинуться в погоню за непослушной девицей. И вполне возможно, сделался бы виновником трагедии вроде той, которую мы описали выше, пусть даже не такой отвратительной.

Идти Хелен было недалеко: с полмили от дома, и потом не более четверти за пределы зигзагообразной изгороди, образующей границу между маисовыми полями и первозданным лесом. Путь ее лежал к подножью дерева, большой магнолии, настоящей королевы окрестностей. Дерево это было ей хорошо знакомо, как и дорога к нему.

Остановившись под его раскидистыми ветвями, она откинула капюшон, открыв лицо. Теперь ей нечего было бояться – негры не ходили сюда ночью, разве что иногда забредали, охотясь за опоссумом или енотом, но такая вероятность была слишком мала, чтобы ее беспокоить.

Хелен застыла в ожидании. Мерцание светлячков выхватывало из темноты ее лицо, заслуживающее лучшего освещения. Но даже в этом слабом свечении ее красота не вызывала сомнения. Чертами она сходна была с цыганкой, а вкупе с плащом вид у нее был очень подходящим к месту действия – лесной чаще.

Лишь несколько кратких мгновений провела девушка в неподвижности. Как раз столько, чтобы восстановить дыхание, сбившееся после быстрой прогулки среди деревьев, особенно трудной в темноте. Сильные чувства тоже заставили ее сердце биться чаще.

Дожидаться, пока улягутся и они, Хелен не стала. Приподнявшись на цыпочки, красавица протянула руку и стала ощупывать дерево. По мере того как ее белоснежные пальцы обшаривали кору, светлячки разбегались в стороны и наконец собрались по краям овального отверстия, обозначающего дупло. Туда-то и сунула она руку. Затем вытащила ее. В дупле было пусто.

Поначалу на лице ее не отразилось разочарования. Напротив, на освещенных тусклым фосфорическим сиянием чертах читается скорее удовлетворение. Это впечатление подтвердили и слова, сорвавшиеся с ее уст.

– Он забрал его! – с радостью воскликнула девушка.

Но скоро в том же неверном свете стала заметна перемена, тень легкой досады.

– Но почему он не оставил ответа?

Так ли она уверена, что ответа нет? Уверена Хелен не была, но твердо вознамерилась проверить.

Приняв решение, она снова повернулась к дереву и засунула нежную ручку в дупло сначала по запястье, а затем по самый локоть, и обшарила полость. На этот раз с ее уст сорвалось восклицание, выражающее недовольство. Красавица обижена, даже рассержена.

Приняв решение, она снова повернулась к дереву

– Почему было ему не написать в нескольких словах, придет он или нет? Да хоть одно слово – ждать ли его? Да и ему давно пора быть здесь, назначенный час уже наступил, и даже миновал!

Это было не более как предположение, она могла ошибиться и обвинять напрасно. Вынув из-за пояска часы, Хелен поднесла циферблат к глазам. Только что взошедшая луна позволяла разобрать цифры. В ее лучах стеклышко часов сверкнуло, равно как украшенные камнями золотые перстни на пальчиках мисс Армстронг. Но лицо девушки приняло выражение огорчения и досады: стрелка показывала десять минут сверх срока, назначенного ею в письме.

Значит, ошибки во времени нет, и часы тоже врать не могут – они у нее не из дешевых. Это вам не продукт из Германии или из Швейцарии, и не жалкий хлам из страны янки, к которому она как истинная южанка относится с презрением – это вам товар от солидного английского производителя, точные, «как солнце», механической работы часы «Стритер».

– Он опаздывает на десять минут, – раздраженно заявила девушка, целиком полагаясь на свой хронометр. – И ответа на мое письмо тоже нет. А между тем он должен уже получить его. Кто другой мог взять его? Никто. О, как это жестоко! Раз он не явился, мне нужно идти домой.

Закутавшись в плащ, красавица набросила на голову капюшон. Однако еще некоторое время она помедлила, прислушиваясь. Никакие звуки, никакие шаги не прерывали ночного молчания, исключая треск сверчков и уханье сов.

Девушка снова посмотрела на часы; стрелки сообщили, что от намеченного для свидания срока прошло целых пятнадцать минут, скоро минет уже двадцать.

Хелен решительно прицепила часики к поясу, ее досада сменилась гневом. Тот, в свою очередь, был вытеснен решимостью, суровой и бесповоротной. Лунный свет и сполохи свет-

лячков меркнут в сравнении с блеском глаз рассерженной женщины. А Хелен Армстронг действительно рассердилась.

Поплотнее запахнув плащ, девушка отошла от дерева. Но не успела уйти из-под его кроны, как шаги ее замерли. Она услышала шорох сухих листьев и шелест еще зеленых. До нее донеслись тяжелые, уверенные шаги – мужская поступь.

Показалась приближающаяся фигура; она виднелась не отчетливо, но явно была мужской. Но разве не мужчину Хелен здесь дожидалась? «Он задержался, наверняка по какой-то веской причине», – подумала дочь полковника, и печаль ее словно рукой сняло.

Обида прошла, стоило ему оказаться рядом. Но как и подобает настоящей женщине, Хелен решила показать, что ее прощение надо еще заслужить, поэтому начала с упреков:

– Ну наконец-то! Как замечательно, что вы соизволили-таки прийти. Пословица говорит: «Лучше поздно, чем никогда». Может, вы полагаете, что это утешение меня устроит? Да только вы ошибаетесь, если думаете обо мне так. Я пробыла здесь достаточно долго, и больше медлить не намерена. Доброй ночи, сэр! Доброй ночи!

Тон ее слов был насмешливым, а слова язвительными. Она старалась, чтобы они прозвучали именно так, но только с виду. Но с целью сильнее испугать провинившегося возлюбленного девушка запахнула поплотнее плащ и повернулась, словно собираясь уходить.

Приняв ее намерения всерьез, мужчина встал на тропе, преграждая ей путь. Вопреки темноте Хелен увидела, что руки его простерты к ней, как будто в мольбе. Поза говорит о сожалении, раскаянии, покорности – он готов на все, лишь бы смягчить ее.

И она смягчилась и готова броситься к нему на грудь и обнять, с любовью и прощением.

Но, оставаясь женщиной, Хелен решила оставить последнее слово за собой, чтобы ее уступка казалась более ценной.

– С вашей стороны очень жестоко подвергать меня такому испытанию, Чарльз! Чарльз, почему вы так поступили?

Не успела она закончить фразу, как тень набежала на ее черты, словно облако, закрывшее солнце. Причина ее – внешность стоящего напротив мужчины. Перемена в положении, совершенная парой относительно друг друга, позволила луне осветить его лицо. Это не тот мужчина, которого красавица ожидала тут встретить!

Кто он такой, стало ясно из следующих его слов:

– Вы заблуждаетесь, Хелен Армстронг! Я – не Чарльз, я – Ричард. Меня зовут Ричард Дарк.

Глава 12
Не тот мужчина

Ричард Дарк вместо Чарльза Клэнси!

Трудно выразить словами душевное состояние Хелен Армстронг, когда она убедилась в своей ошибке. Ею в одинаковой степени овладели раздражение и стыд, потому что она оказалась в очень неловком положении. Своими словами и притворными упреками девушка серьезно скомпрометировала себя.

Она не упала в обморок, не испустила крика, который мог бы обличить ее смятение или удивление. Нет, она была не из таких женщин. Она просто сказала:

– Ну, что же, сэр, хоть вы и Ричард Дарк, это еще не дает вам права мне досаждать. И еще менее – вмешиваться в мои дела. Я хочу побыть одна, и потому прошу вас меня оставить.

Этот холодный и твердый тон обескуражил его. Он надеялся, что стыд быть захваченной врасплох должен смягчить ее, а может быть, и довести до покорности.

Напротив, он вскоре увидел, что только усилил ее досаду; руки его невольно опустились, и он хотел дать ей дорогу, но попытался оправдаться.

– Мне жаль, если я вам досаждаю, мисс Армстронг, – сказал он, – это произошло совершенно случайно. Узнав, что вы оставляете наши места и уезжаете завтра, я шел попрощаться. Мне очень жаль, что я выбрал эту дорогу и случайно встретился с вами; я сожалею об этом тем более, что вижу, вы ожидали кого-то другого.

Девушка некоторое время молчала, все еще потрясенная и разгневанная этим непрошенным вмешательством.

– В таком случае зачем же вы загораживаете мне дорогу? – заявила она, взяв себя в руки. – Я же сказала, что желаю побыть одна.

– О, если вам угодно, я избавлю вас от своего присутствия, – сказал Дарк, отступая в сторону. – Я шел к вашему отцу попрощаться, – продолжал он. – Но раз вы не собираетесь в ближайшее время уходить, то, может быть, я могу передать ему сообщение от вас?

Это было сказано, очевидно, в насмешку, но Хелен не обратила на это внимания; она желала лишь отделаться от человека, который явился так некстати. Чарльза Клэнси, полагала она, могла задержать какая-нибудь неизвестная причина. Надеясь, что он еще придет, девушка внимательно и быстро оглядела лес. Несмотря на темноту, взор этот не ускользнул от Дарка.

Не дожидаясь ответа, Ричард продолжил:

– Судя по допущенной вами ошибке, я предполагаю, что вы ждали мужчину, которого зовут Чарльз. Единственный известный мне в округе человек с этим именем – это Чарльз Клэнси. Если вы дожидаетесь его, я могу избавить вас от необходимости оставаться долее под влиянием ночной сырости, потому что он не придет.

– Что вы хотите сказать, мистер Дарк? Зачем вы это говорите?

Слова Дарка произвели ожидаемое впечатление – гордая девушка забыла про осторожность. Последнюю фразу она произнесла в смущении и необдуманно.

Ответ Дарка был готов заранее, чтобы с дьявольским коварством еще более смутить и ранить ее.

– Потому что я точно знаю, – небрежно бросил Дик.

– Откуда? – вновь против воли промолвила девушка.

– Ну, я встретил Чарльза Клэнси сегодня утром; он сказал мне, что отправляется в дорогу. И как раз уже собирался, когда мы свиделись. Кажется, тут замешаны сердечные дела: у него есть хорошенькая креолка, живущая близ Натчеза. Кстати, он показывал ваш портрет, который, по его словам, получил от вас. Сходство поразительное. Извините, мисс Армстронг, если

я вам скажу, что мы с Клэнси почти поссорились по поводу этого портрета. У него была еще фотография его возлюбленной креолки, и он утверждал, что она красивее вас. Правда, мисс Армстронг, вы не уполномочивали меня быть вашим защитником, однако я не мог выдержать и категорически заявил Клэнси, что он ошибается и что я готов повторить это ему и всем, кто не признает, что Хелен Армстронг – самая прекрасная особа во всем штате Миссисипи.

К концу этой льстивой речи Хелен Армстронг не было уже дело до самозваного защитника, да и до всего остального. Сердце девушки готово было разорваться. Она любила Клэнси, призналась ему в этом в письме. А он насмеялся над нею, пренебрег ради какой-то креолки. И это была правда, иначе каким же образом Дарк мог все узнать? Но еще хуже было то, что Клэнси похвалялся своей победой, показывал ее фотографию, наслаждался триумфом.

– О Боже!

Это восклицание вырвалось из уст Хелен Армстронг, когда описанные выше горькие мысли промелькнули в ее голове. Едва сдерживая рыдания, она повернулась к дому.

Дарк считал случай благоприятным и еще раз бросился к ней, на сей раз упав на колени.

– Хелен Армстронг! – воскликнул он в пылу страсти, если не совсем чистой, то, по крайней мере, сильной и прочувствованной. – Зачем вы любите человека, который насмехается над вами? Я вот люблю вас истинно, безумно, больше жизни; вам еще не поздно взять назад отказ на мое предложение. Сделайте это, и вам не будет больше надобности ехать в Техас. Имение вашего отца будет принадлежать ему и вам. Скажите, что вы согласны быть моей женой, и все ему будет возвращено, все пойдет по-прежнему.

Она терпеливо дождалась окончания его речи и, хотя и не могла дать себе отчета, искренность его тона удержала ее на минуту. На миг девушка замерла в нерешительности. Но мгновение это скоро прошло, горечь вступила в свои права; слова Ричарда Дарка не только не стали бальзамом, но, казалось, лишь растравили ее рану. На его просьбу она ответила, как и прежде, одним словом. Но теперь повторила его трижды и тоном, исключающим сомнения.

Произнеся его, Хелен удалилась прочь гордым шагом и презрительно взмахнула рукой, дав ухажеру понять, что не намерена слушать его дольше.

Дарк застыл на месте, униженный, злой, и в глубине трусливого своего сердца устрашенный и подавленный. Поэтому он не осмелился последовать за ней, но остался стоять под магнолией, а в ушах у него эхом раздавался ее решительный, трижды произнесенный отказ:

– Никогда, никогда, никогда!

Глава 13
Охотник на енотов у себя дома

Когда Синий Билл вернулся с неоконченной охоты на енотов, над полями плантации Эфраима Дарка еще догорали последние лучи солнца. Негр вошел в поселок крадучись и настороженно озираясь.

Он знал, что многие товарищи знали про его вылазки «за енотами» и наверняка удивятся такому скорому возвращению охотника. Они могут потребовать у него объяснений, которые Билл не горел желанием давать.

Чтобы избежать расспросов, невольник крался между хижин, продолжая зажимать под мышкой своего пса, который мог побежать на запах какой-нибудь стряпни, готовящейся на чьей-нибудь кухне, и тем выдать присутствие хозяина в поселке.

К счастью для охотника на енотов, лачужка, владельцем которой он себя гордо именовал, стояла с краю в ряду домов, ближе к лесу, и у него были все шансы пробраться в нее, не подвергаясь особому риску привлечь к себе ненужное внимание.

Его и впрямь не заметили, но на этом злоключения его не закончились.

Семья Синего Билла состояла из его супруги Фебы и нескольких полуголых негритят. Малышня повисла на отце и замельтешила вокруг него. Можно было бы подумать, что, воссоединившись с близкими, он оказался наконец в безопасности и мог с облегчением выдохнуть, но не тут-то было. Ему предстояло серьезное испытание. От острого глаза Фебы не ускользнуло, что муж вернулся с охоты непривычно рано, сумка его пуста, а собаку он тащит на руках. Негритянкой овладело удивление, смешанное с острым любопытством.

Женщина она была не из тех, кто способен молча томиться в неизвестности. Уперев руки в боки, она обратилась к своему темнокожему повелителю:

– Господь милосердный, Билл! И чой-то ты так скоро вернулся? Ни енота не добыл, ни опоссума! И пса своего притащил таким странным манером! Да и часа не прошло как ты на охоту-то отправился! Когда это видано, чтобы ты ворочался домой с пустыми руками и не принес ничего, кроме старой псины? Выкладывайте-ка все как на духу, масса Билл!

Встретив такой прием, охотник выронил своего четвероногого товарища, с глухим стуком приземлившегося на пол. Потом уселся на стул, но в разъяснения пуститься не спешил.

– Выбрось из головы, девчонка! – сказал он. – Подумаешь, вернулся пораньше – ничего эдакого. Смекнул я, что эта ночь не шибко удачная для охоты на енота. Вот и решил, что лучше будет оставить животину в покое.

– Ну-ка, посмотри мне в глаза, Билл! – потребовала неумолимая супруга, положив руку ему на плечо и вперив в мужа пристальный взгляд. – Не верю я твоим объяснениям. Неправду ты мне говоришь!

Под проницательным взглядом охотник съежился, словно и в самом деле совершил что-то дурное, но требуемые пояснения не давал, по-прежнему не зная, как поступить.

– Что-то за этим есть, – продолжала его прекрасная половина. – Есть у тебя какая-то тайна, ниггер, я это по глазам твоим вижу. Стоит мне на тебя глянуть, и я сразу вижу, когда ты меня обманываешь – как в тот раз, когда строил шашни смуглой Бет.

– Да чего ты городишь, Феба! Смуглая Бет тут ни при чем, клянусь!

– А кто сказал, что при чем? Нет, Билл, то дело прошлое. Я просто вспомнила о нем, потому что вид у тебя точно такой, как когда Бет тебя обхаживала. Сейчас я говорю, что ты сам не свой. Говори, где собака зарыта, выкладывай все начистоту!

Говоря это, Феба не сводила с мужа проницательного взгляда, внимательно наблюдая за выражением его лица.

Но выдавать оно могло немногое. Будучи коренным африканцем, Билл выразительностью черт мог потягаться с каменным сфинксом, да и краснеть не умел. Как уже упоминалось, кожа его была, как черное дерево, и имела синеватый отлив, благодаря которому охотник и получил свое прозвище.

Он твердо выдержал пытливый взгляд и на какое-то время сумел ввести Фебу в заблуждение.

Только после ужина, скромность которого отчасти объяснялась его неудачной охотой, сердце Синего Билла дрогнуло, а язык развязался. Точная причина неизвестна, но, так или иначе, перед тем как отойти ко сну, он все как на духу рассказал спутнице дней своих, поведав обо всем, что видел и слышал в кипарисовом болоте.

Сообщил и о подобранном письме. Осторожно вытащив его из кармана, он передал его жене на осмотр.

Феба одно время была прислугой в доме и состояла горничной при белой госпоже. Было это в золотую пору юности, в старой доброй Виргинии, до того как ее отправили на запад и продали Эфраиму Дарку, где ее ждала злая судьба обычной невольницы. Но прежняя владелица немного научила ее грамоте, и в памяти Фебы сохранились еще остатки былого образования – достаточные, чтобы разобрать письмена, попавшие к ней в руки.

Сначала она поглядела на фотографию, поскольку та первая выпала из конверта. Не требовалось много усилий, чтобы понять, кто на ней изображен. Эта дама была слишком прекрасна, чтобы не восхищать даже самого скромного раба в поселке.

– Какая красивая молодая леди, – заметила негритянка, в течение некоторого времени изучая портрет.

– Тут ты права, Феба. Красивая, как ни одна другая белая девушка, которую мне, ниггеру, доводилось видеть. И такая же добрая. Какая жалость, что она уезжает отсюда! Много чернокожих будут скучать по милой белой госпоже. И масса Чарльз Клэнси тоже будет скучать! Господи! Я же совсем забыл: он может и не будет скучать, потому что уже умер, наверное! Если так, то это она будет скучать по нему, ей-богу. Все глаза выплачет.

– Так ты думаешь, между этими двумя что-то было?

– Думаю? Кому ж знать, как не мне, Феба! Я много раз встречал их в лесу, когда ходил за енотом. Видел их вместе. Белая леди и джентльмен не стали бы встречаться, если бы не имели чувств друг к другу. У нас, у черного народа, тоже так заведено. А еще твой ниггер наверняка знает, что они были влюблены. Джул сказала про это Юпитеру, а тот по секрету сообщил мне. Они давно друг друга любили, еще до того как масса Чарльз в Техас уехал. Только вот полковник Армстронг – это большой человек, он и слышать про это не хотел. Да если он прознает, то застрелит массу Чарьза, если тот уже не покойник. Будем надеяться, что нет. Вот что, девочка, открой-ка это письмо и давай посмотрим, что там пишет там леди. Это точно она его написала. Вдруг это прольет свет на это темное дело.

Следуя этому внушению, Феба достала письмо из конверта и развернула, а потом, держа поближе к сальной свечке, прочитала от начала до конца.

Этот подвиг занял немало времени, потому как ее академические таланты, не блестящие и в лучшие времена, без постоянной практики сильно потускнели с годами. В конечном итоге сумела разобрать смысл и передала его Биллу, который слушал ее, развесив уши и вытаращив глаза.

Покончив с чтением, оба некоторое время сидели молча, размышляя над открывшимися им причудливыми обстоятельствами.

Синий Билл первым обрел дар речи.

– Многое, про что сказано в этом письме, я и прежде знал, а что-то было и новое, – сказал он. – Но не важно, новое это или старое, другим людям ни к чему знать, про что написала молодая леди в этом послании. Нет, Феба, ни единое словечко не должно сорваться с наших уст.

Мы спрячем письмо, и никто даже не узнает, что оно у нас было. И чтоб никто не пронюхал, что твой ниггер его нашел. Ежели такое обстоятельство выйдет наружу, добра не жди: исполосуют Синего Билла кнутом, а то и под насос засунут. Так что дай мне, Феба, слово, что никому не расскажешь. Дело это опасное, отчаянное.

Супруга вполне понимала обеспокоенность мужа и подчинялась необходимости. Затем эти двое отошли ко сну, упокоившись под оливковой ветвью согласия, и дав друг другу слово держать язык за зубами.

Глава 14
Почему он не приходит?

Ложась спать, Хелен Армстронг думала о Чарльзе Клэнси с обидой. Она так злилась, что не могла уснуть и беспокойно ворочалась на постели, утыкаясь в подушку то одной щекой, то другой.

А в миле от ее комнаты еще одна женщина не могла уснуть, думая о том же самом человеке, но не сердясь, а волнуясь. То была мать Чарльза.

Как уже упоминалось, дорога из Натчеза проходила мимо ворот усадьбы полковника Армстронга. Путник, идущий в противоположном направлении, то есть в город, обогнув край плантации увидел бы стоящий при дороге дом, весьма скромный в сравнении с внушительным особняком плантатора. Его можно было бы назвать коттеджем, будь это название в ходу в штате Миссисипи. Но оно здесь не известно. Это не бревенчатая постройка, а каркасный дом, стены которого обшиты досками внакрой и покрашены, а кровля сложена из кипарисовой черепицы – такой архитектурный стиль распространен в южных штатах, но редко встречается в северных. В подобных жилищах обитают люди умеренного достатка, не способные тягаться состоянием с плантаторами, но побогаче и покультурнее «белых отбросов», населяющих бревенчатые хижины.

Они тоже считаются плантаторами, но мелкими, имеют с полдюжины невольников и обладают небольшим участком расчищенной от леса земли, занимающим от двадцати до пятидесяти акров[15]. Каркасный дом свидетельствует о благосостоянии владельцев, тогда как две-три бревенчатые постройки на заднем дворе: амбар, конюшня и другие службы – говорят о наличии хозяйства.

Вот в такого рода жилище и обитала вдова Клэнси.

Как уже упоминалось, овдовела она недавно, и еще носила на голове траур, а в сердце печаль.

Муж, выходец из благородного ирландского семейства, переселился в Нэшвилл, столицу Теннесси, где в былые времена обосновалось много ирландцев. Там он и женился. Его избранница была коренной уроженкой Теннесси и вела родословную от пионеров Каролины, колонизировавших этот штат в конце восемнадцатого века. Тамошние Робертсоны, Гиннесы, Гардинги и Брэдфорды завещали своим потомкам право называться людьми благородными или, по крайней мере, имя, достойное уважения и обыкновенно вызывавшее его.

В Америке, как и везде, ирландцы редко достигают богатства, в особенности это характерно для дворян. Будучи при деньгах, они легко усваивают привычку швырять их направо и налево, и быстро оказываются на мели.

Так случилось и с капитаном Джеком Клэнси, получившим за женой богатое приданое, которое он поспешил растратить на пирушки с друзьями, так что принужден был переселиться в Миссисипи, где земля стоила дешевле и где помещик мог протянуть еще какое-то время на свой ежегодный доход.

Купленное им здесь имение оказалось не лучшего свойства, и это побудило его задуматься о переезде в северо-восточный Техас, ставший в то время популярным объектом колонизации. Он послал туда сына. Молодой человек провел в штате Одинокой Звезды год в поисках удобного места и возвратился с благоприятными вестями.

Но ухо, которому предназначались эти вести, не могло больше ничего услышать. По своем возвращении Чарльз обнаружил, что осиротел и остался единственным утешением для

[15] Акр – мера площади, равная примерно 0,4 га.

матери, которую тяжкое горе едва саму не свело в могилу. То было одно из страшных испытаний, подточивших ее силы – еще одно такое, и кладбищенская плита навеки сомкнется над ней.

Такие унылые мысли витали в голове матери в описываемый день, когда после захода солнца она сидела в своей комнате, освещаемой тусклой свечой, и напрягала слух в попытке уловить шаги возвращающегося домой сына.

В полдень Чарльз отправился на оленью охоту, как это частенько случалось прежде. Мать знала эту его слабость и не ругала, даже если он возвращался поздно. Ей известно было, что он с детских лет обожал охоту.

Но сегодня он запаздывал больше обыкновенного: животные удалялись уже на ночлег в свои убежища, а к «факельной охоте» Чарльз никогда склонности не питал.

Одно только могло объяснить его задержку. С некоторых пор мать, следившая за сыном заботливым взором, заметила его рассеянность, слышала вздохи, выходившие из глубины сердца. Кто не угадает этих проявлений симптомов любви, проявись они у мужчины или женщины? Миссис Клэнси их узнала и поняла, что Чарльз подвержен этому недугу.

Витающие в воздухе слухи, признаки, пусть едва, но все-таки заметные, а быть может, словечко доверенной служанки, укрепили вдову в ее подозрениях, одновременно указав на предмет страсти сына.

Миссис Клэнси не жаловалась и не сердилась. Не было в округе ни одной девушки, которую она хотела бы заполучить в невестки так горячо, как Хелен Армстронг: не за ее красоту, не за высокое общественное положение – Каролина Клэнси и сама происходила из хорошей семьи. Что ее привлекало и побуждало одобрить выбор сына, так это известный всем благородный характер юной леди.

И, припомнив собственную молодость и свидания с отцом Чарльза под покровом ночи, мать не судила сына строго за отсутствие дома, пусть и в такой поздний час.

И только когда часы пробили полночь, она начала беспокоиться. Беспокойство перешло в тревогу, а затем в страх. Почему он не возвращается после полуночи? Пташка, шепнувшая ей про эту любовную связь, поведала и про тайный ее характер. Миссис Клэнси это не нравилось. Тайное ухаживание бросало тень на ее сына, на ее саму, что было особенно неприятно в свете их скромного достатка. Но она черпала утешение в воспоминаниях о том, что ухаживания за ней носили тот же самый характер.

Но, так или иначе, в такой час юная леди не должна, не смела быть вне дома. Тем более что, как это прекрасно знали все соседи, рано поутру Армстронгам предстояло двинуться в путь. Обитатели плантации давно уже должны были отойти ко сну. Стало быть, не любимая девушка удерживала ее сына. Была еще какая-то причина. Но какая? Эта мысль не давала покоя страдающей матери.

Время от времени она вставала с кресла, стоило ей уловить какой-нибудь звук; то и дело подходила к двери и выглядывала на улицу. Но всякий раз тщетно.

Подолгу стояла она на крыльце, вглядываясь в идущую мимо калитки дорогу, напряженно прислушиваясь.

В начале ночи было темно, но затем луна залила все серебристым светом. Но он не освещал мужской фигуры, да и вообще чего-либо живого. Не слышалось звука приближающихся шагов, ничего, напоминающего поступь.

Пробило час после полуночи, а сын не возвращался. Миссис Клэнси начала приходить в отчаяние и с возрастающей тревогой наблюдала за стрелками на циферблате.

С каминной полки доносилось тиканье маленьких часов «Коннектикут». Купленная у разносчика вещь могла привирать, поскольку забиравшиеся на юг торговцы частенько сбывали хлам. Помня об этом, мать тешила себя надеждой.

Но, стоя на крыльце и наблюдая за перемещением луны, бедняжка понимала, что час действительно очень поздний.

Из леса и лежащего за ним болота до нее донеслись новые звуки. Будучи знакома с дикой природой, женщина верно истолковала их. Клекот индейки означает приближение утра.

Часы пробили два, а шагов все не слышно, и сын не возвращается!

– Где же мой Чарльз? Где это он так задержался? – задавала себе несчастная вопросы, те же самые, что несколько часов назад вырывались из уст Хелен.

То были слова, внушенные иной страстью, но одинаково сильной и, конечно, чистой.

Обе тревожились, но как различны были их переживания! Девушка считала себя униженной, покинутой, а мать – мучилась предчувствием, что у нее нет более сына.

Спустя некоторое время – когда в поздний, а точнее, ранний час миссис Клэнси увидела, как в калитку вбежала собака Чарльза, ее мрачные страхи укрепились. А для материнского сердца, уже наполненного тревогой, они казались уже воплотившимися.

Это было сверх ее сил. Истомленная долгим ожиданием и напряженным бдением, она увидела, что улегшаяся на крыльце собака вся перепачкана в грязи и в крови, и упала, как подкошенная.

В дом ее перенесла служанка, единственная остававшаяся при ней.

Глава 15
Передвижения при свете луны

Пока безутешная вдова и мать, осиротевшая вдвойне, сражена ударом и лежит без чувств, препорученная заботам верной негритянки, снаружи доносится звук, который остался незамеченным ими обоими. Это глухой стук колес тяжелой повозки, едущей по большой дороге, перемежающийся щелканьем кнута и звучным «уа-ха» возницы.

Проходит некоторое время, и мимо ворот коттеджа проезжает громоздкий фургон «конестога», груженый чем-то, смахивающим на домашнюю утварь, накрытую брезентом. Повозку тянет упряжка из четырех крепких мулов, а правит ею негр, тогда как еще трое или четверо темнокожих топают следом.

Едва эта процессия, привычная для южных штатов, скрывается за пределы видимости и слышимости, как на дороге появляется другой экипаж. Он легче и катится гораздо быстрее. Это ландо, влекомое парой кентуккийских лошадей. Поскольку ночь теплая и надобности поднимать кожаный полог нет, нам не составит труда рассмотреть ездоков. На облучке восседает черный кучер, рядом с ним примостилась молодая девушка, смуглость которой, заметная даже при лунном свете, выдает в ней мулатку. Ее лицо мы уже видели однажды, под одним знакомым нам деревом в лесу, а именно под магнолией – она прятала в дупло письмо от своей госпожи. Та, что сидит рядом с возницей, это Джул.

На сиденьях ландо мы обнаружим еще одну особу, которую заметили под тем же самым деревом, только выражение ее лица сейчас намного печальнее и тревожнее. Да, это Хелен Армстронг, а двое других пассажиров – ее сестра и отец. Они направляются в Натчез, порт, откуда начнется их путешествие на юго-запад, в Техас. Переселенцы только что покинули горячо любимый старый дом, оставив распахнутыми ворота и одинокие стены, увитые плющом.

Проехавший перед тем фургон везет остатки имущества плантатора: все, что оставил ему неумолимый кредитор. Неудивительно, что полковник сидит в ландо, повесив голову и не оглядываясь назад. Впервые в своей жизни он переживает настоящее, глубокое унижение.

Именно стыд, а не стремление сбежать от кредиторов или страх перед шерифами, побудил его выехать в такой ранний час. Отъезд при свете дня привлек бы множество зевак, среди которых нашлись бы и сочувствующие. Но в этот тяжкий час взоры, выражающие симпатию, кажутся ему столь же невыносимыми, как и выражающие ненависть, и он намерен уклониться от них.

Но, помимо моральных соображений, существует и другая причина столь ранней побудки – жестокая необходимость успеть вовремя. Пароход, который повезет их вверх по Ред-Ривер, отчалит из Натчеза с восходом солнца. На рассвете пассажиры должны быть уже на палубе.

Если обанкротившийся плантатор пребывает в подавленном состоянии, то мысли его дочери носят еще более угнетенный характер.

Хелен Армстронг не спала всю ночь, и теперь, в свете луны, ее щеки ее выглядят бледными и впалыми, под глазами залегли темные круги, а сами глаза горят неестественным блеском, как в лихорадке. Погруженная в собственные терзания, она не обращает внимания ни на что на дороге и рассеянно отвечает сестре, когда та пытается заговорить с ней в стремлении развеселить. Эта попытка обречена на неудачу еще и потому, что Джесси сама в печали. Обычно жизнерадостная, девушка теперь приуныла, явно сожалея о том, что оставляют они позади и тревожась о будущем. Вероятно, оглядываясь на ворота роскошного старого дома, в которые им не суждено больше войти, Джесси представляет себе переход от прежней жизни на широкую ногу к суровому быту в бревенчатой хижине, о котором предупредил их отец.

Если так, то это ее печаль, а не сестры. Ту обуревают другие, и куда более горестные, чувства. Ее мало заботит, где предстоит им жить и что есть. Ни отсутствие удобств, ни грубая пища – ничто не волнует ее сейчас. Она согласна найти приют под самой скромной кровлей в Техасе, напротив, была бы даже рада этому, окажись Чарльз Клэнси верен своему слову и раздели этот приют с ней. Но он подвел ее, и вот все кончено.

Кончено ли? Нет, не для нее. Для него – возможно. Он найдет утешение в объятьях своей креолки и вскоре забудет о Хелен Армстронг. Забудет о клятвах и сладких обещаниях, произнесенных под магнолией, которая в эту тяжкую минуту кажется девушке деревом более унылым, чем тис или кипарис.

Забудет ли она его? Сумеет ли? Нет, разве что в том краю, куда они направляются, ей не встретится легендарная река забвения Лета. Ах, как это горько, как обидно!

Горе ее достигает вершины, когда ландо проезжает к просеке, за которой скрывается коттедж Клэнси. В этих стенах спит человек, сделавший ее жизнь такой несчастной. И как способен он спать после того, что наделал?

В этот миг ей кажется, что никогда в жизни не сможет она сомкнуть глаз, до самой смерти!

Чувства ее кипят, боль овладевает ею с такой силой, что скрыть ее уже невозможно. Хелен и не пытается этого сделать, пока дом не скрывается из виду. Как удачно, что ее отец погружен в свои собственные безрадостные мысли. Но сестра замечает все и способна сделать предположения. Но это излишне – ей все известно. Но она молчит. Эти страдания слишком священны, чтобы вторгаться в них. Бывают времена, когда даже сестра не в силах утешить.

Джесси радуется, когда деревья снова загораживают коттедж Клэнси, да и их собственный особняк навсегда скрывается из виду.

Будь Хелен Армстронг способна пронзить взглядом белые стены домика и увидеть распростертую на постели женщину, умершую или умирающую, а также иную постель, незанятую, несмятую, обитатель который в данный момент лежит среди холодных болот под сенью мрачных кипарисов, это вызвало бы в ней потрясение не менее сильное и ужасное, нежели пережитое недавно.

Горе осталось бы в ее душе, но не обида. Первое переносить легче – ей проще было бы смириться со смертью Клэнси, но не с его изменой.

Но ей ничего не известно о случившемся, о разыгравшейся накануне в кипарисовом болоте кровавой трагедии, которая уже позади, и о скорби внутри коттеджа, которая еще продолжается. Знай она об одной или наблюдай другую, то при последнем взгляде на белые стены продолжала бы лить слезы, но не в гневе, а от печали.

Глава 16
Что случилось с Клэнси

Солнце стояло уже высоко, над вершинами самых больших деревьев, когда вокруг жилища вдовы Клэнси собралась толпа. Ближайшие соседи уже были здесь, а дальние подтягивались. Каждые несколько минут по двое или по трое подъезжали всадники с длинными винтовками за плечом, с патронташами и рогами для пороха на нагрудных ремнях. Спешившиеся были вооружены и снаряжены подобным же образом.

Причина этого военизированного собрания была всем известна. За несколько часов перед тем по плантациям разнеслась весть, что Чарльз Клэнси пропал, причем при обстоятельствах, заставляющих предположить некое несчастье. Мать его разослала по округе гонцов, и соседи стали собираться вокруг ее дома.

В юго-западных штатах в подобных случаях не принято оставаться в стороне, вне зависимости от статуса. Как богач, так и бедняк в равной степени принимают участие в отправлении лесного правосудия – по временам не слишком совпадающего с писаными законами страны.

По этой-то причине все соседи, дальние и близкие, званые и незваные, явились безотлагательно. Были среди них и Эфраим Дарк с сыном Ричардом.

Арчибальд Армстронг отсутствовал, но его и не искали. Почти все знали, что рано поутру он уехал. На дороге виднелись следы от колес его фургона, и если пароход, на который был взят билет, отошел в назначенный час, полковник должен был уже находиться милях в пятидесяти от места событий и удаляться с каждым часом. Но никто о нем и не думал, потому как едва ли бывший плантатор или члены его семьи могли иметь какое-либо отношение к делу, которое призвало сюда общину.

Задача заключалась в том, чтобы разыскать Чарльза Клэнси, до сих пор не вернувшегося домой. Мать уже рассказала то, что ей было известно, историю оставалось повторить для запоздавших. Вдова подробно поведала о событиях предыдущего дня, закончив появлением грязной и окровавленной собаки. Живое подтверждение ее слов в виде самой собаки, пребывало тут же, в описанном состоянии. Все видели, что псина ранена: след от пули, рассекшей ей шкуру, виднелся на шее. Вкупе с исчезновением хозяина это укрепляло подозрения в том, что произошло нечто скверное.

Еще одно, менее серьезное, подозрение пробуждал кусок веревки, завязанной у собаки на шее. Свободный ее конец был истрепан, как будто его разгрызли зубами. Это наводило на мысль, что животное привязали, но оно сумело освободиться.

Но зачем же гончую привязывали? Зачем стреляли в нее? Никто не мог ответить на эти вопросы.

Вызывал удивление и час, когда собака вернулась. Поскольку Клэнси вышел из дома примерно в полдень, он не мог удалиться от него на такое расстояние, чтобы животному понадобилась почти вся ночь на обратный путь.

Не сам ли Чарльз сделал выстрел, последствия которого все наблюдали?

На этот вопрос практически сразу был дан отрицательный ответ. Среди собравшихся имелись охотники, которые без ошибки могли истолковывать следы так же легко, как Шампольон читал египетские иероглифы[16]; эти специалисты удостоверяли, что рана была нанесена пулей из гладкоствольного ружья, а не нарезного, тогда как Клэнси ходил всегда с винтовкой. Так что собаку подстрелил не он.

---

[16] Шампольон, Жан-Франсуа (1790–1832) – французский ученый-востоковед, известен расшифровкой египетских иероглифов.

Проведя около часа в обсуждении плана действий, собрание отправилось на розыски пропавшего. Никто в присутствии матери не сказал «на розыски трупа», но она предчувствовала, что не увидит больше сына, хотя соседи и ободряли ее.

Искатели разделились на два отряда, которые отправились на поиски в разных направлениях.

Самый большой отряд поручили старому охотнику Саймону Вудли, который взял собаку Клэнси, рассчитывая, что она сможет оказаться полезной, как только они нападут на след ее хозяина, если это случится, конечно.

Собака действительно оказалась полезной. Очутившись в лесу, она, почти не опуская носа, побежала с такой скоростью, что верховые охотники едва могли поспевать за нею.

Скачка галопом заняла почти две мили через лес и подлесок, и закончилась на краю болота. Только небольшое количество искателей оставалось рядом с собакой – прочие поотстали и теперь подтягивались небольшими группами.

Охотник Вудли одним из первых подошел к трупу, потому как, увидев место, где гончая остановилась, заливаясь громким лаем, обнаружить нечто иное никто и не ожидал.

Они предполагали найти тело Чарльза Клэнси, но обманулись.

Тела там не было, ни живого, ни мертвого. Только ворох испанского мха, явно недавно содранного с деревьев, собранного в кучу, а затем разбросанного.

Собака сделала стойку у вороха этого мха и завыла. Когда охотники приблизились, они заметили на мху и на земле буро-красные пятна – это была кровь. Она была темно-бурой, почти черной, и засохшей.

Из-под мха высовывался ствол ружья. Когда зеленый покров отпихнули в сторону, то обнаружили винтовку, причем не такого образца, какой был в ходу у здешних охотников. Но труда опознать ее не составило – многие сразу подтвердили, что это егерский карабин Клэнси. Когда мох разгребли еще, то обнаружил шляпу. Несколько человек подтвердили, что головной убор принадлежал молодому человеку.

Брошенное разряженное ружье, валяющаяся рядом с ним шляпа, кровь – на этом месте явно произошла перестрелка. Кто-то был ранен, если не убит. И кто это мог быть, кроме Чарльза Клэнси? Винтовка принадлежала ему, шляпа тоже. Значит, и кровь, скорее всего, тоже его.

У посланных на поиски не было сомнений, чья это кровь, как и в том, что молодой человек погиб. Оставался один вопрос: где труп?

Прибывшие первыми горячо обсуждали этот вопрос, он же сразу срывался с уст запоздавших. Все хотели найти удовлетворительный ответ и, будучи озадачены найденными уликами, стремились как-то разобраться, что тут произошло.

Один из их числа вполне мог бы просветить их на этот счет, но он помалкивал, держась в задних рядах. Это был Ричард Дарк.

Странно, что он оказался в числе отставших, ведь поначалу именно Дик проявлял наибольшее рвение. Дело в том, что он не принял в расчет собаку и не предполагал, что та так быстро и прямо приведет их на место, где пал сраженный пулей Клэнси.

Передние из отряда искателей спешились и окружили находку. Дарк смотрел на них, отчаянно желая улизнуть, но не решался. Дезертирство прямо указало бы на него. А так, чего ему бояться? Ну найдут они труп Клэнси с дырой от пули в груди. Но как им узнать, кто сделал роковой выстрел? Свидетелей нет, если не считать кипарисовых стволов да этой дурацкой псины, оглашавшей теперь лес заунывным воем. Вот если бы она могла говорить, тогда дело плохо. Но говорить собаки не умеют.

Подбодрив себя этими соображениями, Ричард Дарк приблизился к месту, где собственной рукой пролил кровь. Вопреки усилиям, его трясло, лицо покрыла бледность. Едва ли этому

стоило удивляться, ведь он ожидал встретиться лицом к лицу с человеком, которого убил. С трупом!

Но ничего подобного не произошло: убитого здесь не было! Трупа не оказалось на месте. Только ружье, шляпа и несколько багровых пятен.

Возрадовался ли Дарк такому повороту событий? Судя по его виду, совсем напротив. Прежде он лишь дрожал и бледнел, теперь же губы у него побелели, глаза забегали, зубы застучали, и всего его затрясло, словно в лихорадке.

К счастью для убийцы, эти обличающие признаки проявились, когда он находился под могучим кипарисом, густая тень которого мешала его разглядеть. Но эта удача оказалась перечеркнута благодаря сыщику, полагающемуся не столько на зрение, сколько на нюх. То есть собаке Клэнси. Стоило Дику приблизиться к обступившим место преступления, животное кинулось на него с львиным рыком и с грацией атакующего тигра!

Не перехвати Саймон Вудли пса и не оттащи его, горлу Ричарда Дарка грозила бы опасность.

Но угроза его шее не исчезла.

* * *

Вокруг запятнанного кровью участка земли возникла заминка. Все участвующие в поисках застыли на месте, на лицах их отражалось удивление, в глазах светился вопрос. И взгляды их не были опущены к земле, не рыскали между деревьев, а нацелены прямиком на Дика Дарка.

Все заметили странное поведение собаки. Стоило ее отпустить, как она сделала новую попытку наброситься на сына плантатора, и ее снова пришлось схватить. Это определенно что-то означало и возможно, имело отношение к предмету поисков. Вопрос назревал сам собой.

Дарк понимал, что все смотрят на него и угадывал их мысли. К счастью, густая, как ночная мгла, тень скрывала его – не то трясущиеся губы и перекошенное лицо выдали бы преступника с головой и, возможно, привели бы к расправе на месте.

Но даже так его испуг не остался незамеченным. Пусть он не видим, зато слышим. Двое или трое из тех, кто стоял ближе к нему, уловили громкий, как кастаньеты, стук зубов!

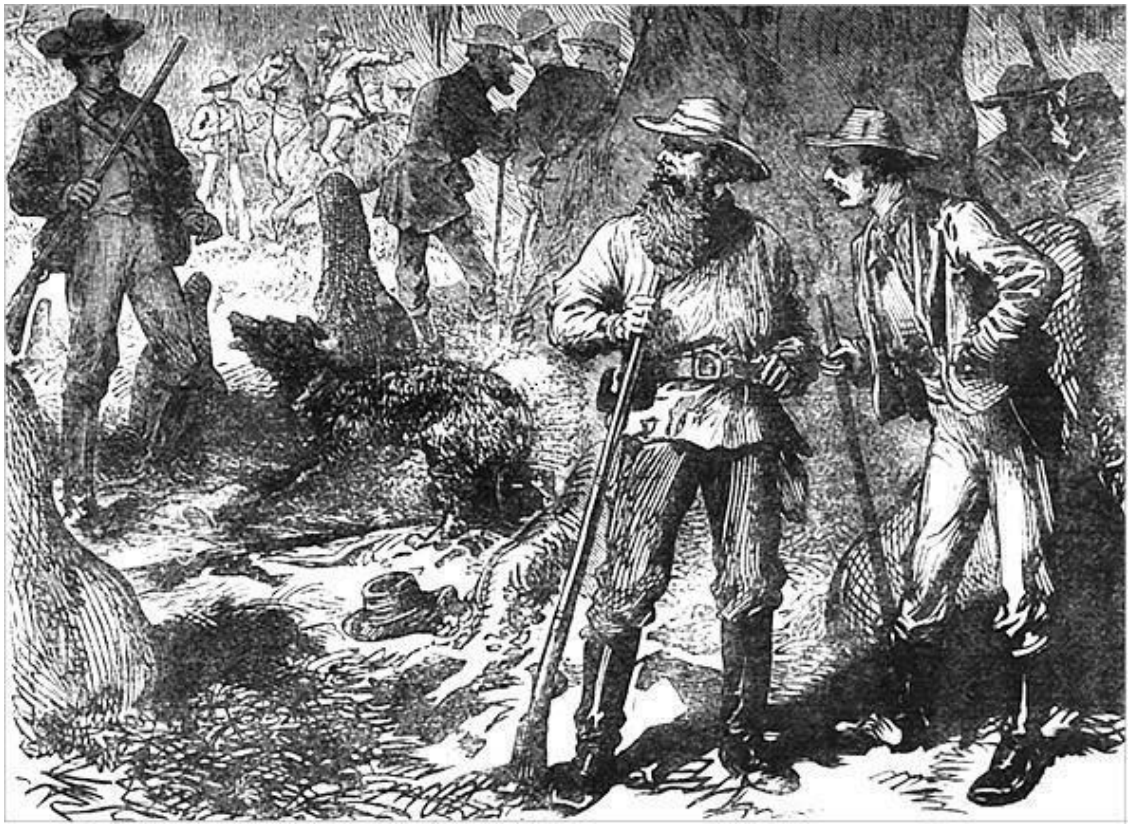
Ужас внутри Дика нарастал, и тому имелось три причины. Не обнаружив мертвого тела, он остолбенел от удивления, которое сменилось затем суеверным страхом, а тот, в свою очередь, уступил место опасениям иного рода. Но Дарк не успел все осмыслить прежде, чем на него накинулась собака, заставившая его выбросить более отдаленные угрозы из головы.

Когда его защитили от нападения гончей, самой непосредственной опасностью стали взгляды спутников. По причине сумрака прочитать их он не мог, но понимал, что там немой вопрос. *En revanche*[17], и они не могли заглянуть ему в глаза, и, подбодрив себя этим соображением, Дик вернул часть привычной своей самоуверенности, в которой сейчас так нуждался.

Поведение собаки нельзя было оставить без комментариев.

– Могу припомнить десятки случаев, когда псина Клэнси вот так бросалась на меня, – произнес он с притворной беспечностью и деланным смехом. – Пес не может простить мне трепку, которую я задал ему, когда он повадился к одной из наших сук. Я бы убил дворнягу сто лет назад, если бы не дружил с ее хозяином.

[17] Взамен (фр.).



Животное кинулось на него с львиным рыком

Объяснение было правдоподобным и ловко предложенным, но убедило не всех. Поверить в него могли только те, кто ничего не заподозрил. Но на время сгодилось и оно, и искатели вернулись к поискам.

Торчать и дальше у кучи мха казалось бессмысленным. Здесь они обнаружили только кровь, а найти требовалось тело. А для этого надлежало двигаться дальше.

Подобрав шляпу и ружье, мужчины рассредоточились и стали прочесывать лес.

В течение нескольких часов они обшаривали пространство между деревьями, заглядывали под веерообразные ветви карликовых пальм, осматривали толстые стволы кипарисов. Короче говоря, искали повсюду.

Спасатели старательно прочесали округу на добрую милю в диаметре. Заглянули даже в болото, насколько позволяла проникнуть в него вязкая трясина – такое удобное место, чтобы скрыть следы самого мрачного преступления.

Вопреки их рвению, подстегиваемому отзывчивыми на чужую боль сердцами, поиски оказались бесплодными, не принеся ничего. Тела они не нашли, ни живого, ни мертвого, не обнаружили и следов исчезнувшего человека. Никаких находок, кроме сделанных в первые же минуты, шляпы и ружья.

Упавшие духом, уставшие и голодные, искатели стали по мере приближения вечера стягиваться к месту преступления и, дав друг другу слово возобновить поиски поутру, отправились по домам.

Глава 17
Извлеченная пуля

Не вся поисковая партия покинула лес. Но двое из ее числа неприметно остались. За некоторое время до отъезда других они тихонько скользнули в сторонку и удалились на несколько сотен шагов, прихватив с собой коней.

Остановившись на безопасном расстоянии, в густой тени, они спешились и выждали, когда толпа рассеется. Все в них говорило о нетерпении, словно эти двое хотели остаться в лесу одни, и не без особой на то причины. Эта причина имелась, по крайней мере у одного: едва убедившись, что никто не может их подслушать, он поделился со спутником своими соображениями.

Спасатели старательно прочесали округу

Говорил старший из них, на попечении у него, помимо лошади, было еще одно животное – собака. Потому как то был не кто иной, как охотник Вудли, взявший на себя обязанность управляться с гончей Клэнси.

Второй из оставшихся принадлежал к лицам того же рода занятий и являлся профессиональным охотником, но был моложе товарища. Его звали Нед Хейвуд.

– Нам тут ничего не сделать, покуда эти гринхорны[18] не уедут, – сказал Вудли, поясняя причину своего поступка. – Даже старина Дэниэл Бун[19] не смог бы взять след, когда вокруг такой колоброд. Я и пытаться не стал до тех пор, пока все не уберутся отсюда. Треклятые ослы только усложнили дело, истоптав все вокруг, уничтожив все зацепки, любой отпечаток ноги. Но я все же заметил кое-что, на что никто не обратил внимания. Как только они уедут подальше, мы тщательно изучим след.

Молодой охотник кивнул и односложно выразил согласие следовать приказам старшего сотоварища.

Следопыты выждали еще несколько минут, пока в лесу не установилась полная тишина. Затем, обмотав уздечки коней за ветки и не забыв привязать собаку к стремени одной из лошадей, вернулись на место, где были обнаружены ружье и шляпа.

На нем они не задержались – путь их, по указанию Вудли, лежал дальше.

Пройдя шагов двадцать по лесу, старый охотник остановился перед одним из кипарисовых «колен», этих растительных причуд, которые сбивают с толку ботаников и до сих пор не объяснены учеными. По форме своей они напоминают окорок, торчащий тонкой частью вверх. Сходство настолько велико, что южане обвиняют дельцов-янки, будто те, завернув эту деревяшку в парусину, продают ее под видом настоящего мяса!

Может статься так, что миссисипский охотник Вудли знал об этих причудливых явлениях природы больше самого сведущего ученого в мире.

Но, рассматривая это конкретное кипарисовое «колено», следопыт думал вовсе не о науке и не о своем превосходстве над людьми науки. Единственным его намерением было показать Хейвуду нечто, что ускользнуло от внимания поисковой партии и о чем сам охотник не хотел говорить, пока рядом находились другие.

Теперь пришло время рассмотреть находку более тщательно и убедиться, оправданы ли его подозрения.

Данное «колено» не годилось для целей недобросовестных продавцов свинины – оно было слишком велико, чтобы сойти за окорок. Когда охотники остановились рядом с ним, то убедились, что отросток превосходит толщиной любого из них и вымахал в человеческий рост высотой.

Остановившись перед ним, Вудли указал на повреждение в коре – круглое отверстие со слегка неровными краями. Волокна были повреждены совсем недавно, и не просто повреждены, но и окрашены красным! Со времени, когда появилась эта дыра, минуло не более суток – к такому выводу пришли лесные жители, тщательно осмотрев ее.

– Что скажешь, Нед? – спросил Вудли.

Хейвуд, человек молчаливый, не спешил с ответом, рассматривая поврежденный участок древесины.

– В него попала свинцовая пилюля, – продолжил его товарищ. – И размер и форма отверстия указывают на крупный калибр. А судя по красным отметинам по краям, эта пилюля была в оболочке из крови.

---

[18] Гринхорн – новичок, неопытный.

[19] Дэниэл Бун (1734–1820) – легендарный американский первопроходец, герой многочисленных фольклорных историй.

– Похоже на кровь, это да.

– Она и есть, самая настоящая – кровь Чарльза Клэнси. Пуля, угодившая сюда, сначала прошла через его тело. Ее что-то задержало, и свинец не проник глубоко в древесину, пусть та и мягкая, как заболонь.

Достав нож, старый охотник ввел кончик в дыру, подобно щупу.

– Ну, как я и говорил. Вошла не глубже чем на полдюйма. Я чувствую, как острие упирается в свинец.

– А что, если ее выковырнуть, Сайм?

– Именно это я и намереваюсь сделать. Но только с умом. Я вырежу ее с куском древесины вокруг. Нам понадобится и то и другое, вот мы их вместе и возьмем.

Вудли вонзил клинок в кору отростка вблизи отверстия. Он сделал это ловко и осторожно, чтобы не стереть красных краев дырки. Мягкая древесина поддавалась так легко, будто это была брюква. Очертив круглый надрез и мало-помалу действуя ножом, он извлек кусок грушевидной формы, но побольше чем этот плод сорта «жаргонель».

Взвесив кусок дерева на руке, он передал его своему товарищу и сказал:

– В этом куске дерева такая пуля, которая никогда не могла вылететь из карабина, она весит почти унцию. Только гладкоствольное ружье способно выбросить такую массу свинца.

Действуя ножом, он извлек кусок грушевидной формы

– Тут ты прав, – ответил Хейвуд, в свою очередь подвесив кусок дерева на ладони. – Нет сомнения, что эта пуля из гладкоствольного ружья.

– Но кто же у нас охотится с таким ружьем, Нед Хейвуд?

– Я знаю только одного человека.

– Назови же его, назови проклятого бездельника!

– Дик Дарк.

– Да, Нед. Я подозревал его весь день, я видел еще и другие следы, ускользнувшие от взора наших товарищей, чему очень рад; мне не хотелось бы рассматривать их в присутствии

Дика Дарка. Вот почему я замаскировал их, чтобы другие не заметили. К счастью, так и произошло.

– Какие же это следы, Сайм?

– В грязи на краю болота, далеко от места, где упал бедный молодой человек. Я наскоро осмотрел их и заметил, что это следы убегавшего человека. Голову свою отдаю в заклад, что они сделаны парой сапог Дика Дарка. Теперь слишком темно, чтобы осматривать их, а мы для этого придем завтра очень рано, прежде, чем встанут другие. Если это не следы Дика Дарка, то пусть Саймона Вудли назовут тупоголовым лесным сурком.

– Вот если бы у нас был хоть один его сапог, чтобы сличить отпечатки.

– Если! Никаких если – будет у нас его сапог. Да что там, оба. Я намерен раздобыть их.

– Но каким образом?

– Предоставь это мне. Я придумал план, чтобы достать его обувь и другие вещи, которые помогут пролить свет на это мрачное дело. Пойдем, Нед, к вдове и посмотрим, не можем ли чем-нибудь утешить ее. Ведь она, пожалуй, и умрет. Она никогда не была крепка, в особенности после смерти мужа, а теперь, когда лишилась сына… Пойдем же, Хейвуд, докажем ей, что не все ее покинули.

Повинуясь порыву честного сердца, не чуждого жалости, молодой охотник с готовностью откликнулся на призыв.

– Я с тобой, Вудли!

Глава 18
«К шерифу!»

Весь день мать Чарльза Клэнси провела в терзаниях и неопределенности, но еще ужаснее был вечер, когда соседи возвратились с поисков и принесли известия о ее сыне. И какие известия! Из их рассказов становилось ясно, что ее мальчик убит. Но кто убийца и куда исчез труп, оставалось неизвестно. Были обнаружены только шляпа, ружье и кровь.

Скорбь матери, сдерживаемая до тех пор слабой надеждой, перешла всякие границы. С ней случилась истерика, сердце ее готово было разорваться. Несмотря на свою бедность и посему малое количество друзей, в эту страшную минуту она не ощущала себя брошенной. В лесах Запада отстраняться от чужой беды не принято: здесь под одеждой из грубого домотканого холста бьются сердца такие отзывчивые, каких не найдешь под тонкими шелками.

Среди соседей миссис Клэнси таких людей оказалось в избытке. По большей части то были «белые бедняки», как их пренебрежительно величают гордые плантаторы. С полдюжины человек изъявили желание остаться при ней на ночь, полагая, что тем смогут ее поддержать, а также движимые предчувствием, что поутру от них могут понадобиться услуги более траурного свойства. Вдова слегла, и весьма вероятно было, что она никогда уже не покинет своей комнаты живой.

Поскольку ночь выдалась теплой, а точнее, даже душной, мужчины расположились на улице: покуривали трубки, сидя на крыльце, или разлеглись на травяной лужайке перед коттеджем, тогда как их жены, сестры и дочери хлопотали вокруг несчастной.

Нет нужды упоминать, что разговоры шли исключительно о событиях этого дня и о тайне убийства. В том, что это убийство, все были уверены, но не брались определить, как оно произошло и каким мотивом вызвано.

В равной степени сбивало с толку исчезновение тела, хотя особого недоумения не вызывало. Все понимали, что два явления взаимосвязаны. Тот, кто совершил грязное дело, принял меры к сокрытию трупа и покуда преуспел. Оставалось проверить, устоит ли его хитрость против поисков, которые возобновятся поутру.

Людей занимали два переплетающихся между собой вопроса: кто убил Клэнси и за что?

Что до ответа на первый, то в полдень, когда поиски начинались, никому не пришло бы на ум имя Дика Дарка. Теперь же его передавали из уст в уста. Сперва шепотом, опасаясь обвинений в клевете, но постепенно оно звучало все громче и смелее, обещая скоро перейти в прямое обвинение.

Зато второй вопрос ответа не находил: «С какой стати Дику Дарку убивать Чарли Клэнси?» Никто не брался угадать. Ни у кого не было ключа к этой тайне. Никто не ведал о соперничестве между двумя молодыми людьми, и тем более о ревности – этом чувстве, которое, как ни одно другое, толкает человека на убийство себе подобного.

Ухаживания Дарка за старшей дочерью полковника Армстронга не были в поселке тайной. Он сам, выпив лишнего, как ребенок, давно выболтал все любителям сплетен. Но Клэнси, если не в силу скрытности, то по благородству характера, держал свои сердечные дела при себе. Не обнародовать их у него имелись и иные соображения.

В результате собравшиеся поддержать его бедную родительницу имели не больше представления о нежных отношениях между Чарльзом и Хелен Армстронг, чем о причинах несчастья, которое оплакивала теперь вдова.

Одна Каролина Клэнси знала о чувствах сына, но в первый момент, раздавленная горем, даже не подумала поделиться этими сведениями с сочувствующими соседями. То был семей-

ный секрет, слишком священный даже для расположенных к ней ушей, и остатки прирожденной гордости заставляли хранить его. Время откровенности еще не пришло.

Но вскоре оно должно было наступить – это вдова понимала. Все придется рассказать, ведь после того как первый приступ горя, когда ее мысли целиком были прикованы к убитому сыну, прошел, и теперь они обратились к тому, кого она подозревала в убийстве. В ее случае это было больше, чем подозрение. Зная обстоятельства, миссис Клэнси была почти уверена не только в том, что совершено преступление, но и в том, кто его виновник.

Лежа на постели с льющимися по щекам слезами и тяжело вздыхая под хор голосов, старающихся ее утешить, вдова молчала. Скорбь несчастной была слишком велика, чтобы язык мог выразить ее. Но перед ее мысленным взором постоянно стояли два лица: лицо убитого и лицо убийцы. То есть ее сына и Ричарда Дарка.

Вопреки неосведомленности об этих обстоятельствах, думы добросердечных соседей вдовы постоянно обращались к Дику Дарку, а имя его не сходило у них с уст.

Необъяснимое поведение молодого человека минувшим днем, равно как и странная реакция собаки, – все это сейчас припоминали и живо обсуждали.

С чего псина так себя повела? Почему среди целой толпы облаяла только одного человека, а затем так яростно бросилась на него? Объяснение, данное самим молодым человеком, показалось неубедительным уже тогда, а теперь, когда участвовавшие в поисках трезво осмысливали все, покуривая трубки, и вовсе выглядело притянутым за уши.

Пока они обсуждали это, калитка перед входом в коттедж скрипнула, и вошли два человека. Когда они приблизились к крыльцу, где свет фонаря из сальной свечи упал на лица Саймона Вудли и Эдварда Хейвуда.

Охотники были хорошо знакомы всем собравшимся, и им обрадовались как людям, способным скрасить тягостный и скучный ночной дозор.

Когда вновь прибывшие поднялись на крыльцо, по их лицам стало видно, что у них есть чем если уж не развеселить, то оживить общество. Они явно разузнали что-то, касающееся занимающей всех темы, причем важное.

Подойдя поближе к свече и собрав народ вокруг себя, Вудли извлек из кармана своего длиннополого плаща кусок дерева, напоминающий по форме грушу или грубо очищенную репу.

– Ну-ка, поглядите на это, ребята! – воскликнул он, поднося находку к свету.

Все посмотрели.

– Кто скажет, что это такое? – спросил охотник.

– Кусок деревяшки, надо полагать, – отозвался один из собравшихся.

– Похоже, что она вырезана из кипарисового «колена», – добавил другой.

– Правильно, так оно и есть, – подтвердил Сайм. – А тот парень, который ее вырезал, стоит сейчас перед вами. Видите вот эту дырку спереди? Даже гринхорн сказал бы, что ее проделала пуля. И только совсем зеленорогий не заметил бы, что края дырки окрашены чем-то красным, и это не что иное, как кровь. Так вот, ребята, пуля и до сих пор внутри – мы с Хейвудом не стали извлекать ее, пока не пришло время.

– Теперь пришло, – сказал Хейвуд. – Доставай!

Остальные горячо поддержали предложение.

– Сейчас достанем. Давайте поглядим, парни, что за яичко обнаружится в этом гнезде из кипарисового «колена».

С этими словами Сайм извлек из чехла нож с широким лезвием и, положив деревяшку на скамейку на крыльце, расколол ее. Когда она разломилась, внутри обнаружился круглый кусочек металла с характерным для свинца тусклым блеском – ружейная пуля, как и ожидалось.

Крови на ней не было, она вся стерлась за время продвижения через волокна. Но пуля сохранила свою сферическую форму, как если бы только что вылетела из ружья или выпала из формы для отливки.

– Пуля! – хором воскликнули все.

– Пуля из гладкоствольного ружья, – добавили несколько голосов.

Потом прозвучал вопрос:

– Кто из живущих по соседству использует припас такого типа?

Ответ прозвучал мгновенно, хотя и не был удовлетворительным:

– Гладкоствольных ружей тут полно, хотя никто, насколько мне известно, с ними не охотится.

– А вот я знаю одного такого, – раздался еще чей-то голос.

– Кто же это? – потребовал целый хор.

– Дик Дарк!

Это заявление поддержали еще несколько человек.

Затем на некоторое время повисла тишина. Люди ощущали жгучую потребность, но уже не говорить, а действовать.

За время этой паузы Вудли составил две половинки деревяшки заново и, связав их леской, сунул в карман. Потом сделал вожакам собрания знак следовать за ним для дальнейшего обсуждения.

Когда те повиновались, охотник отвел их в сторонку от крыльца и расположился на лужайке на некотором расстоянии от дома. Сдвинув поближе головы, они начали вполголоса совещаться о чем-то.

Но говорили они недостаточно тихо, чтобы нельзя было уловить как не раз прозвучало название должности, внушающей такой страх всем злодеям.

А еще прозвучало имя – имя, которое и без того было весь вечер у всех на устах, и произносилось сквозь зубы.

Не все из тех, кто собрался поддержать вдову, были допущены на этот тихий совет. У Саймона Вудли, председательствующего на нем, имелись причины отстранить некоторых и собрать только тех, кому он полностью доверяет.

Едва совещание закончилось, четверо из его участников, словно сговорившись, отделились от группы, выскользнули через калитку на улицу и отправились к лошадям, привязанным у забора.

Освободив их, они потихоньку сели в седла и так же неприметно ускакали, перебрасываясь в пути лишь немногословными репликами. И снова в них прозвучало название должности, такое многозначительное при описанных обстоятельствах:

– Едем прямиком к *шерифу*!

Глава 19
«Натчезская красавица»

Пока продолжались поиски тела убитого человека, а над подозреваемым в преступлении нависала угроза тюрьмы, женщина, ставшая невольной причиной трагедии, удалялась от сцены этих событий.

Пароход, уносящий полковника Армстронга и его пожитки, отчалил точно в указанный в объявлении час, покинул течение «Отца вод», вошел в протекающую по Луизиане реку Ред-Ривер и теперь, на второй день пути, поднимался вверх по красноватому потоку милях в пятидесяти от его устья.

Назывался он «Натчезская красавица». Удивительное совпадение, потому как на его борту находилась обладательница этого титула.

Частенько обеспеченные юнцы из «Города Утесов», как называют Натчез, поднимали бокалы с черри или шампанским в честь Хелен Армстронг, величая ее именно так.

По здравом размышлении, у Хелен было больше прав на это название, чем у парохода. Вопреки гордому имени, это была довольно жалкая посудина: маленький кораблик с кормовым колесом. Такие нередко встречались в те дни на лоне могучей Миссисипи, и еще чаще бороздили более извилистые и мелкие фарватеры ее притоков. Единственный движитель, установленный там, где у обычных судов находится руль, напоминал старинное мельничное колесо. Он толкал корабль вперед, даже в лучшем случае придавая ему лишь весьма небольшую скорость.

Тем не менее существование подобных пароходов оправдано и имеет смысл. Это известно всем, кому приходилось ходить по узким рекам и их еще более узким протокам, да еще с подступающим с обоих берегов лесом, а именно таково большинство речных потоков Луизианы.

Но благородную Ред-Ривер не стоит относить к таковым, да еще и называть «узкой». Полноводная и широкая, она позволяет без помех даже самым большим кораблям подниматься вверх до Натчиточеса, этого конечного пункта путешествия полковника Армстронга по воде.

Причин, по которым разоренный плантатор выбрал для плавания скромный «заднеколесник», было две: путешествие на нем устраивало его по времени, а также по цене.

Ходящие по Миссисипи и ее притокам «люксовые» пароходы дороги, и тем дороже, чем они «люксовее». «Натчезская красавица», неспособная похвастаться принадлежностью к элите, перевозила пассажиров по более скромным ценам.

Но не только соображениями удобного времени отправки или экономии руководствовался полковник Армстронг, делая выбор. На палубу третьеразрядного парохода его заставило подняться то же соображение, какое подвигло покинуть родное имение под покровом ночи. Путешествуя неприметно, он надеялся уклониться встреч с людьми своего класса, и избежать не только их любопытства, но и сочувствия.

Но просчитался и сполна получил и того, и другого. Волей судьбы, на роскошном пароходе, который должен был отплыть из Натчеза в Натчиточес примерно в одно с «Красавицей» время, взорвался один из котлов. В результате, когда маленькое судно отправилось в путь, оно было по ватерлинию забито грузом, а в каютах негде было яблоку упасть из-за толпы пассажиров, многие из которых являлись представителями «голубых кровей» штатов Миссисипи и Луизиана.

Вопреки огорчению, которое вызвало это обстоятельство у полковника и старшей его дочери, младшая обрадовалась ему. Дело в том, что среди сверхкомплектных пассажиров на «заднеколеснике» оказался человек, с которым она была знакома. И не просто знакома, но и

танцевала. И не просто танцевала, но с удовольствием, причем с таким, что воспоминания о том вечере остались у нее одними из самых сладостных и никогда не выходили у нее из головы.

Особой, произведшей на нее столь неизгладимое впечатление, был молодой плантатор по имени Луи Дюпре. Луизианец по рождению, а стало быть, креол. При этом без примеси африканской крови, иначе он не мог бы считаться настоящим креолом[20]. Английскому читателю постоянно приходится напоминать, что в так называемых креолах нет негритянской крови.

Ни единой ее капли не текло в жилах Луи Дюпре, иначе Джесси Армстронг не танцевала бы с ним на балу в Натчезе, а ее отец, даже будучи банкротом, не позволил бы дочери общаться с ним во время поездки на пароходе по Ред-Ривер.

А так никаких возражений от бывшего миссисипского плантатора не последовало. Луизианец был ровней ему по части положения, а в плане богатства теперь превосходил. Причем в сотни, тысячи раз, потому как Луи Дюпре владел обширнейшими угодьями на берегах Ред-Ривер, а его полевые и домашние рабы исчислялись сотнями, это без учета стариков, больных и детишек, которые больше съедали, чем нарабатывали.

Если в присутствии Дюпре полковник Армстронг острее чувствовал свое пошатнувшееся положение, то в случае с Джесси все было иначе.

Луи Дюпре нашептывал ей сладкие речи, уверяя, что не только его земли, дома и рабы находятся в ее распоряжении, но также сердце и рука их владельца. Он повторял то, что уже сказал ей на балу в Натчезе – пылкая натура креола побуждала его облекать чувства в слова.

Теперь, на рассекающем гладь воды пароходе, луизианец повторил свое предложение, более настойчиво добиваясь ответа.

И ответ был «да». Прежде чем «Натчезская красавица» успела пройти пятьдесят миль от устья Ред-Ривер, Луи Дюпре и Джесси Армстронг признались в любви друг к другу. Руки их соединились, губы встретились, а уста дали клятву никогда впредь не разлучаться. Путешествию, начатому по Миссисипи, предстояло продолжиться по реке жизни.

В своем случае влюбленные могли не опасаться препятствий: строгие родители не стояли на их пути к счастью. Смерть обоих родителей давно освободила Луи Дюпре, и он в такой же степени был господин самому себе, сколько и множеству своих рабов.

С другой стороны, выбору Джесси Армстронг никто не мешал, потому что она сделала хороший выбор. Ее отец если не дал уже согласия, то готов был с охотой это сделать.

* * *

Пароходы с машиной «высокого давления», плавающие по рекам западной Америки, имеют очень мало сходства с длинными, низкими судами, бороздящими океаны. Миссисипские суда похожи на дома в два этажа высотой, а нередко и в три, если считать рубку для лоцманов и штурманов. Корма их закруглена, а надстройка, овальная в плане, обычно выкрашена в белый цвет; по верхнему ярусу – каютной палубе – идут вдоль бортов ряды окон с венецианскими ставнями изумрудно-зеленого цвета. Эти окна выполняют также роль внешних дверей, ведущих в каюты. Через внутренние двери можно попасть в главную каюту, называемую «салон», который тянется почти во всю длину судна. Двери из узорчатого стекла разделяют салон на три части. Дамские апартаменты размещаются на корме, посередине находится обеденный зал, а в третьем, носовом отделении располагаются контора клерка и «бар», где пассажиры-мужчины курят, пьют и слишком часто предаются азартным играм. Узкая галерея, фута в три шириной, опоясывает всю надстройку, образовывая балкончики для кают. По краю ее идет ограда, так называемый релинг, мешающий неосторожным пассажирам свалиться в реку.

[20] В населенных французами областях Америки креолами называются потомки первых поселенцев. Не путать с другим значением этого слова, обозначающего потомка смешанных межрасовых браков.

Располагающаяся поверх всего этого крыша, известная как «ураганная палуба», выполняет роль навеса, защищающего от солнца.

Две огромные трубы вздымаются над всей этой конструкцией и постоянно выбрасывают объемистые столбы беловатого древесного дыма; тем временем третья труба, потоньше, изрыгает субстанцию еще более белую – пар. Всякий раз, когда происходит выброс, раздается резкий гудок, раскатывающийся по реке на несколько миль.

Если смотреть на проплывающий миссисипский пароход с берега, на ум приходит сравнение большим отелем или особняком с множеством окон, который вдруг сошел на воду и величаво движется – «идет по воде как живое создание», если применить живописное сравнение. Некоторые из самых крупных кораблей, принимая в расчет их роскошное внутреннее убранство и изысканность подаваемых за столом блюд, по праву заслуживают присвоенного им титула «плавучих дворцов».

«Натчезская красавица» отличается от этих красавцев, бороздящих эти воды, только размерами, качеством внутренней отделки и наличием кормового колеса вместо бортовых. Как и там, на ней имеется большой центральный салон с отделением для дам на корме, опоясывающие ряды кают с зелеными ставнями, галерея и релинг, две трубы, оставляющие дымный шлейф и труба для «сброса пара», кашляющая, через ровные промежутки времени.

В вечерние часы, когда становится прохладнее, галерея – приятное место, где можно посидеть, постоять или прогуляться. Особенно ее часть, расположенная на корме. Она отведена дамам, и из мужчин там разрешается находиться только родственникам или кавалерам.

В тот вечер, первый после выхода из порта, на палубе пароходика расположились несколько особ, любовавшихся ландшафтами, проплывающими перед их взорами. Жаркое южное солнце скрылось за темным поясом кипарисового леса, который почти повсеместно образует в Луизиане линию горизонта, а нежный ветерок нес ароматы ликвидамбара и магнолии крупноцветковой, которые обволакивали путешественников, подобно благовонному дыму ладана из кадила.

Вопреки своим красотам и прелестям, природе не суждено было завладеть вниманием большинства пассажиров надолго. Из чрева парохода они слышат зов повелительный, и для многих более заманчивый. Приходит час ужина, столы накрыты, лампы зажжены. Под лучами их яркого света путешественники собираются в группы, кто-то с целью побеседовать, кто-то перекинуться в экарте или «двадцать одно»; кое-где видны одиночки, зарывшиеся в книгу, а где-то пары, занятые сражениями на шахматной доске.

Только трое задержались на галерее, и двое из них явно наслаждались обществом друг друга. От третьего их отделяло несколько шагов. Точнее, от третьей, потому что это была женщина. Не то чтобы парочка не была знакома с ней или проявляет грубость. Нет, просто им не хочется, чтобы их слова или мысли стали известны кому-то еще, не считая их самих.

Едва ли требуется пояснять, кто были те двое, так занятые друг другом – это Джесси Армстронг и Луи Дюпре. Правильные черты, черные глаза и вьющиеся волосы этого жгучего брюнета посеяли смятение в сердце младшей дочери полковника, и наоборот, сочетание алого, голубого и золотистого целиком покорили молодого человека. Молодые люди влюблены без памяти.

Пока они стояли, переговариваясь нежным шепотом, глаза третьей особы наблюдали за ними. Но только время от времени и без зависти. Что бы ни творилось в душе у Хелен Армстронг, эти двое не имели к этому отношения. Любовь, вспыхнувшая в ней, опалила ее сердце и оставила одни угли. То была любовь всей ее жизни, и теперь она покинула ее навсегда, чтобы никогда не воспламениться вновь. Если Хелен думала о счастье сестры, то только сравнивая ее с собственной печалью: соизмеряя контраст ее светлой радости с тенью, обступившей ее саму.

Лишь ненадолго обращала она взгляд на юную парочку. Пусть их счастливый щебет не вызывал в ней зависти, но пробуждал слишком болезненные эмоции. Хелен вспоминала, как

сама упивалась разговором с тем, кого не хотела, не должна была знать более. В надежде прогнать томящие мысли, она отвернулась от влюбленных и стала смотреть на реку.

Глава 20
Сестра-спасительница

Пароход медленно прокладывал себе путь вверх по течению, колесо его мерно вращалось, вспенивая красноватую воду. Шипя и танцуя, волны разбегались по поверхности, образуя белый с розоватой каймой кильватерный след. Хелен Армстронг он казался кровавым – такой оборот приняли ее мысли.

На некоторое время она целиком ушла в эти горестные думы, а обернувшись, обнаружила, что осталась одна. Влюбленные ушли в каюту, а быть может, в дамский или в большой салон, чтобы принять участие в развлечениях вечера. Она видела свет, льющийся через решетчатые окна, слышала гул веселых голосов. У нее не было желания участвовать в забавах, хотя многие хотели бы видеть ее там. В салоне Хелен наверняка бы сделалась центром кружка обожателей, внимала галантным речам и искусной лести. Она знала это и отказывалась. Вот ведь странная женщина!

В таком состоянии речи утомляли бы ее, а лесть казалась пресной. Она предпочитала побыть в одиночестве и внимать шуму вращающегося колеса. Неумолчный плеск воды был созвучен ее мятущейся душе.

Опускалась ночь; тьма окутала лес и реку, заключив их в свои черные объятья. Вместе с ней мгла опустилась и на девушку: мысли ее были темнее лесного мрака. Такие минуты часто толкают людей к погибели: воспоминания о прошлом, в свете которых будущее становится невыносимым, взывают положить конец страданиям. Мужчина, которому она отдала свое сердце, свою любовь, первую и единственную, посмеялся над этим даром. Она пожертвовала собой, принесла всю себя и теперь лишилась смысла жить. Причем жертва ее была щедрой: жизнь женщины гордой, благородной и великодушной и, бесспорно, прекрасной.

Но Хелен не представляла себя такой, когда, склонившись над поручнями, невидящим взором смотрела, как колесо парохода взбивает пену за кормой. Девушка испытывала не гордость, но крайнее унижение. Отвергнутая тем, к ногам которого она пала так трепетно, так поспешно и, да, так неосторожно, чтобы испытать удар именно в миг безоговорочной капитуляции, выраженной словами!

Словами, обращенными к Чарльзу Клэнси. Да, это было всего лишь письмо, но письмо недвусмысленное и откровенное. И как поступил он? Не удостоил ее ответа, пусть даже отказа! Только презрительное молчание, которое горше открытой насмешки!

Неудивительно, что грудь ее наполняла печаль, а щеки горели от стыда!

Она могла положить конец и той и другому в одну минуту: для этого требовалось только перешагнуть через невысокие поручни и броситься в красную, быструю реку. Несколько секунд борьбы в бурливых водах – не ради спасения жизни, но с целью расстаться с ней – и все кончено. Грусть, ревность, отверженная любовь – эти горькие страсти – исчезнут и наступит покой. И нужно всего лишь небольшое усилие, один прыжок в пропасть забвения.

В ней крепло намерение его совершить. Прошедшее казалось мрачным, будущее выглядело еще мрачнее, жизнь утратила всякий интерес, смерть потеряла свой ужас. Как ужасно стремление к самоубийству в особе столь юной, столь прекрасной, такой невыразимо милой – способной нравиться другим, но исчерпавшей силы нравиться себе! Об этом даже подумать страшно. А вот Хелен всерьез размышляла над этим.

В нерешительности девушка оперлась о перила. Не жажда жизни заставляла ее колебаться. Даже не страх смерти, пусть и ужасной, ибо она понимала, что случится, перешагни она через эти хлипкие поручни.

Взошла луна, взбираясь в вышину чернильно-синего неба, и ее лучи заливали поверхность реки. По временам пароход, держась глубоководного фарватера, приближался то к одному берегу, то к другому. И тогда идущие от него волны пробуждали кажущиеся неподвижными бревна – то были громадные аллигаторы, которые, будучи так дерзко потревожены, с глухим всплеском ныряли в воду.

Хелен видела и слышала их. От этого ее нервы должны были бы сдать, а тело забиться в трепете. Но ничего подобного. Отчаяние заглушило страх смерти, даже если это означало быть сожранной крокодилом!

И вдруг она почувствовала на плече нежное прикосновение руки, и слуха ее коснулся знакомый голос. Они принадлежали ее сестре.

Выйдя из гостиной, Джесси молча подошла к ней. Она заметила грусть и озабоченность Хелен и поняла причину. Но даже не подозревала, насколько сестра была близка к роковому шагу и не догадывалась о ее намерениях совершить его.

– Сестренка, – сказала она, обняв Хелен. – Зачем ты здесь? Ночь свежа, а воздух болотистых берегов Ред-Ривер, как говорят, наполнен миазмами, причиняющими лихорадку, от которой трясет так, что гребень из волос выпадает. Пойдем, сестра. В салоне собралось приятное общество. Мы собираемся играть в карты. Кажется, в «двадцать одно». Идем же!

Ощутив это прикосновение, Хелен обернулась и задрожала, словно преступница, которому рука шерифа легла на плечо. Джесси не могла не заметить этого странного и сильного волнения. Приписав это известной ей причине, она сказала:

– Будь женщиной, Хелен, настоящей, сильной женщиной. Я знаю, что ты можешь. Не думай больше о нем. Новый мир, новая жизнь открываются перед тобой и передо мной. Вырви Чарльза Клэнси из своего сердца и развей всякое воспоминание, всякую мысль о нем. Повторяю тебе, будь женщиной, будь сама собою. Забудь прошедшее и думай только о будущем, думай *о нашем отце*!

Последние слова произвели действие, подобное удару электрическим током и одновременно прикосновению целительного бальзама. Они задели чувствительную струну дочерней любви.

И та откликнулась на прикосновение.

– Сестра! – воскликнула Хелен, обвив руками шею Джесси. – Ты спасла меня!

Глава 21
Схвачена призраком

– Сестра, ты меня спасла!

Произнеся эту не совсем понятную для собеседницы фразу, Хелен Армстронг чмокнула сестру в щеку, одновременно вымазав ее слезами – она расплакалась, зайдясь в рыданиях.

Джесси поцеловала ее в ответ, немало озадаченная таким поведением и странным тоном. Не могла она объяснить и дрожи, сотрясавшей тело сестры, продолжавшей обнимать ее.

Хелен не дала ей времени задавать вопросы.

– Иди! – сказала она, подталкивая Джесси к двери. – Ступай, устраивай игру, а я сейчас присоединюсь к вам.

Джесси, обрадовавшись этой перемене настроения, не стала возражать и скользнула в каюту. Не успела она уйти, как Хелен повернулась к реке и подошла к перилам. Колесо вертелось, по-прежнему разбрызгивая воду и устилая красноватой пеной поверхность реки.

Теперь Хелен уже не собиралась прыгать в реку, а намеревалась бросить в нее нечто иное.

– Прежде чем начнется игра в двадцать одно, – сказала она себе, снова опираясь на поручни, – мне следует раздать колоду карт, включая изображение одного валета.

И она вынула пачку писем, очевидно, старых, перевязанных голубой ленточкой. Девушка брала их поочередно, разрывала пополам и бросала в поток.

Когда она взяла последнее письмо, осталась только фотокарточка Чарльза Клэнси, которую он когда-то дал ей, стоя у ее ног с мольбою о взаимности. Хелен не разорвала ее надвое, хотя, казалось, и подумывала с минуту об этом, и внимательно посмотрела на портрет при лунном свете. Горькие воспоминания всплыли в ее душе при взгляде на эти черты, неизгладимо запечатлевшиеся в ее сердце. Она смотрела на них в последний раз, надеясь изгнать этот образ из памяти.

Кто мог бы сказать, какие мысли проносились у нее в уме в этот тяжкий миг? Кто мог бы описать ее отчаяние? Уж точно не автор любовных романов. Какова бы ни была ее решимость сделать это, на какую-то секунду она поколебалась.

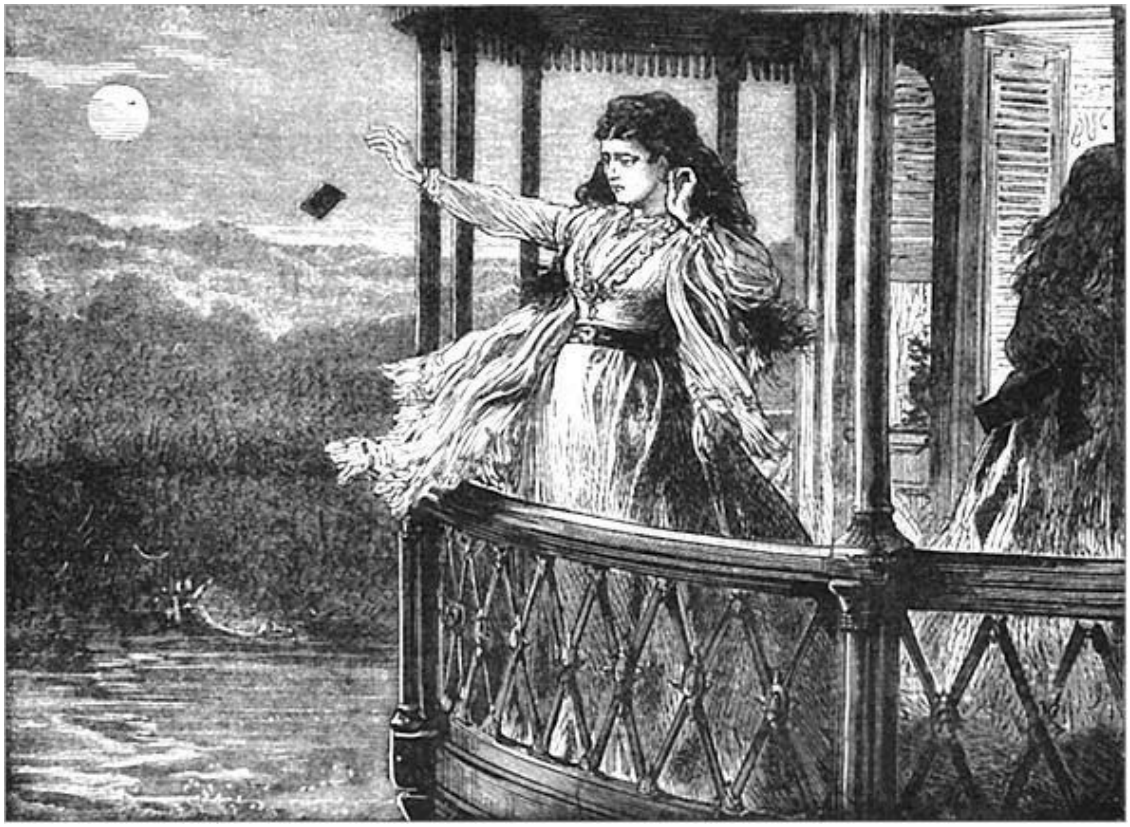
В эту минуту ей почудились слова сестры, как если бы их повторило эхо, выходившее из волн: «*Будем думать только о будущем, о нашем отце*».

Эта мысль укрепила ее. Подойдя к самому краю перил, она бросила фотографию на вращающееся колесо и сказала:

– Прочь, образ того, кого я некогда любила, изображение двоедушного человека! Пусть тебя перемолотит так же, как перемолото мое сердце!

Вздох, исторгшийся у нее, когда она бросила карточку, походил скорее на стон отчаяния. Он мог исходить только от разбитого сердца, на которое девушка только что сетовала.

Она, по-видимому, мало была расположена принять участие в игре или в каких-нибудь других развлечениях.



Подойдя к самому краю перил, она бросила фотографию на вращающееся колесо

Не оправившись еще от волнения и зная, что следы его должны отражаться у нее на лице, Хелен решила, что, прежде чем идти в ярко-освещенный салон, нужно привести себя в порядок. Не привлекая внимания, она обогнула дамскую каюту, намереваясь попасть в свою комнату через внешнюю дверь, чтобы взглянуть на себя в зеркало, поправить платье, прическу, может быть, даже изменить выражение лица – такое показалось бы пустяком мужчине, но для женщины это очень важно, даже в миг горя и печали. Не будем порицать ее за это. Женщина руководствуется инстинктом, заложенным в нее природой, и он служит тайной пружиной ее влияния и власти.

Желая поправить туалет, Хелен Армстронг следовала поведению, присущему ее полу.

Следовала она ему недолго, не успев добраться до зеркала, да и даже до двери каюты.

Прежде чем войти, Хелен остановилась и повернулась к реке, к берегу которой пароход подошел так близко, что ветви больших деревьев почти касались его крыши. Это были кипарисы, увешанные испанским мхом, фестоны которого походили на саван. Один из них, обнаженный, простирал вперед свои голые ветви, убеленные временем и суставчатые, словно руки скелета.

Этот призрачный образ заставил девушку вздрогнуть, когда пароход быстро прошел мимо этого места, залитого лунным светом.

У нее вырвался вздох облегчения, когда корабль оставил его позади и вступил в тень, но облегчение длилось всего лишь несколько секунд, потому что под тенью кипарисов при колеблющемся блеске светлячков она увидела вдруг между деревьями лицо – лицо Чарльза Клэнси.

Конечно, это вздор, Чарльз Клэнси не мог быть там ни на деревьях, ни на земле; это был обман зрения, не более. Но Хелен Армстронг не имела времени подумать об этом. Прежде чем лицо неверного возлюбленного скрылось из вида, две черные жилистые руки протянулись к ней!

Но это уже был не плод воображения, а реальность. Не успела девушка пошевелиться, отскочить в сторону, как эти руки грубо схватили ее за талию и подняли в воздух.

Глава 22
Вверх и вниз

Что бы ни подняло Хелен Армстронг, оно не ослабляло хватку. Но лишь на короткое время. Прошло всего несколько секунд, за которые Хелен увидела, как палуба парохода проплывает у нее под ногами и как ее сестра, услышавшая крик, выбежала на кормовую площадку.

Не успела несчастная крикнуть еще раз, как хватка разжалась, и Хелен полетела вниз с большой высоты. Головокружение от падения сменилось ударом, от которого она почти лишилась сознания. Девушка погрузилась в воду. В ушах у нее зашумело, горло сдавило. Короче говоря, ей грозила опасность утонуть.

Вопреки недавним мыслям о самоубийстве, инстинктивное отвращение к смерти оказалось сильнее жизненных тягот, заставив ее бороться.

Хелен не кричала больше, потому что не могла – рот ее заполнила мутная речная вода. Она задыхалась, как если бы ей на шею набросили петлю, которая затягивалась все туже и туже. Девушка не могла издать ни звука, только пыталась вынырнуть на поверхность.

К счастью, во время падения ее юбки раздулись на манер парашюта, замедлив падение, а затем помешали пойти ко дну. Поскольку плавать Хелен не умела, то надолго они бы ей не помогли. И даже напротив, намокая, стали утягивать ее на дно.

Заслышав ее дикий вопль, подхваченный сестрой, которая не переставала кричать, пассажиры бросились из салона к кормовым поручням.

– Кто-то упал в воду! – прокатился по судну возглас.

Он достиг ушей лоцмана, и тот немедленно ударил в колокол. Колесо перестало вращаться, и пароход почти сразу же остановился. Сильное течение, которое ему приходилось преодолевать, теперь сыграло на руку, позволив быстро совершить маневр.

Клич: «Человек за бортом!» – вскоре был дополнен: «Это дама!»

Это уточнение подстегнуло сожаление и тревогу. Нигде эти чувства не находят такого отклика, как в благородных сердцах пассажиров миссисипского парохода. С полдюжины голосов одновременно спрашивали не «кто эта дама?», а «где она?», тогда как несколько мужчин уже сбрасывали сюртуки, готовясь кинуться в воду.

Первым среди них был молодой креол Дюпре. Он-то знал, кто эта дама, потому что другая леди кинулась к нему с отчаянным возгласом:

– Это Хелен! Она упала или *спрыгнула* за борт!

Расплывчатость этого выражения показалась странной, почти необъяснимой для ушей Дюпре, как и остальных, слышавших его. Они приписали это потрясению от неожиданного несчастья.

И вполне справедливо, но лишь отчасти, потому как имелась и другая причина.

– Моя сестра! – кричала Джесси, похолодев от ужаса. – Спасите ее! Спасите!

– Мы постараемся! Покажите, где она? – раздалось несколько голосов.

– Вон там… Под тем деревом. Она висела на ветвях, а потом упала в воду. Я слышала всплеск, но потом больше сестру не видела. Она пошла ко дну! Милостивые небеса. Хелен, сестра моя, где ты?

Несвязные слова эти смущали всех, пассажиров наверху и матросов на палубе. Люди застыли, как завороженные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.